

Маделин Уикхем
более известная как Софи Кинселла

Невеста

от автора романов про шопоголика

Маделин Уикхем

Невеста

Уикхем М.

Невеста / М. Уикхем —

Тем незабываемым оксфордским летом восемнадцатилетняя Милли была готова на любую авантюру. С появлением Руперта и его возлюбленного, американца Аллана, у Милли началась новая, увлекательная жизнь, и когда Руперт предложил ей брак с Алланом, чтобы тот мог легально остаться в Британии, Милли не колеблясь сказала «да». Чтобы все выглядело по-настоящему, она нарядилась в дешевое свадебное платье и с удовольствием позировала перед туристами, щелкавшими фотоаппаратами. Прошло десять лет. Милли очень изменилась. Теперь она помолвлена с Саймоном, серьезным молодым человеком из богатой семьи, который считает свою невесту идеалом. Однако всего за четыре дня до торжества прошлое неожиданно возвращается к Милли. Мир, который она так тщательно выстраивала, вот-вот разлетится вдребезги. Как признаться Саймону в том, что она уже замужем? Тучи сгущаются, и наружу выплывает гораздо больше секретов, чем предполагала Милли... Маделин Уикхем – настоящее имя известнейшей писательницы, автора суперпопулярной серии романов про Шопоголика.

© Уикхем М.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Маделин Уикхем

Невеста

Посвящается Хьюго, который появился в самый разгар всего

Пролог

Группа туристов остановилась поглазеть на Милли в свадебном платье, стоявшую на ступеньках регистрационного бюро. Зеваки запрудили тротуар на противоположной стороне улицы, а посетители оксфордских магазинов, привыкшие к ежегодному наплыву туристов, оглядывали толпу по проезжей части, даже не выражая неудовольствия. Некоторые из них бросали взгляд на ступени бюро регистрации, чтобы узнать причину суеты, и про себя признавали, что молодая пара на крыльце и в самом деле выглядит очень эффектно.

Некоторые туристы достали фотоаппараты. Милли ослепительно улыбалась в объективы, упиваясь вниманием, пытаясь мысленно представить, как они с Алланом смотрятся вместе. Ее выбеленные, торчащие в разные стороны волосы нагрелись на жарком дневном солнце, взятая напрокат фата царапала шею, влажные нейлоновые кружева платья противно липли к телу. И все же сердце Милли переполняла эйфория, она чувствовала, что готова свернуть горы. При каждом взгляде на Аллана – ее мужа! – новая горячая волна радостного возбуждения пронзала тело, гася все другие ощущения.

Милли приехала в Оксфорд три недели назад. В июле она окончила школу, и в то время как ее друзья собирались на Ибицу или в Амстердам, родители отправили Милли в оксфордский секретарский колледж. «Гораздо полезнее, чем болтаться на каникулах без дела, – решительно объявила мать. – Только подумай, какое преимущество будет у тебя перед остальными, когда ты займешься поиском работы!»

Но Милли не рассчитывала на какие-то там преимущества; она хотела как следует загореть и завести приятеля. Поэтому на второй день посещения курсов машинописи она удрала. Нашла дешевую парикмахерскую и в приливе веселья попросила коротко остричь и осветлить ее волосы. Затем, счастливая и беспечная, Милли бродила по строгим, залитым солнцем улицам Оксфорда, заглядывая в прохладную тишь монастырей и церквушек, вытягивая шею над каменными арками и присматривая, где бы позагорать. По чистой случайности она выбрала местечко на лужайке колледжа Корпус-Кристи¹; совершенно случайно комнаты Руперта выходили как раз на эту сторону; по той же случайности Руперт с Алланом решили провести послеобеденное время в ленивой неге, просто лежа на траве и потягивая «Пиммз».

Милли украдкой наблюдала, как они неторопливо вышли на лужайку, чокнулись бокалами и закурили; пригляделась внимательнее, когда один из них снял рубашку и обнажил загорелый торс. До нее долетали обрывки их разговора, и ей вдруг захотелось познакомиться с этими симпатичными парнями.

Неожиданно старший из двоих обратился к Милли, и ее сердце заколотилось от волнения.

– У вас не будет прикурить?

Голос звучал сдержанно, дружелюбно, с американским акцентом.

– Д-да, будет, – запинаясь, пробормотала Милли и пошарила в кармане.

¹ Колледж Корпус-Кристи – один из колледжей Оксфордского университета, основан в 1517 г.

– Боюсь, мы ужасные лентяи.– Тот, что помоложе, застенчиво посмотрел в глаза Милли.– У меня есть зажигалка, во-он там, прямо за тем окном,– он указал на каменный сводчатый проем.– Но из-за жары не хочется никуда идти.

– А мы угостим вас бокалом «Пиммз»,– пообещал американец и протянул руку.– Меня зовут Аллан.

– Руперт,– представился его приятель.

Остаток дня Милли провела с ними, сидя на траве, наслаждаясь солнцем и крепким напитком. Она хихикала и кокетничала, а ее рассказы о других девушках с секретарских курсов вызывали у Аллана с Рупертом взрывы хохота. Под ложечкой у нее возникло чувство предвкушения, к вечеру переросшее в приятную дрожь, еще более возбуждающую оттого, что мужчин двое и оба хороши собой. Руперт – стройный, гибкий, с золотистой кожей, точно молодой лев; светлые волосы окружают голову сияющим нимбом, на гладком загорелом лице сверкает белозубая улыбка. Лицо Аллана – в морщинках, виски чуть тронуты сединой, но от взгляда серо-зеленых глаз замирает сердце, а его голос ласкает слух, точно шелк.

Когда Руперт перевернулся на спину и, глядя в небо, произнес: «Может, пойдем куда-нибудь поужинаем?» – Милли решила, что он ее приглашает. Пронзившая ее мгновенная, невыразимая радость сразу смешалась с осознанием того, что она все же предпочла бы Аллана. Но в это мгновение Аллан тоже перекатился на спину и сказал: «Да, конечно», а потом нагнулся над Рупертом и небрежно поцеловал его в губы.

Самое странное, что после первого потрясения, от которого у Милли перехватило дух, она в общем-то оказалась не против такого поворота. Пожалуй, так было даже лучше: теперь они оба принадлежали ей. Вечером она отправилась с ними в кафе «Сан-Антонио» и получила огромное удовольствие, ловя завистливые взгляды парочки однокашниц, сидевших за соседним столиком. На следующий вечер они завели старый граммофон, слушали джаз и пили мятный коктейль; Руперт с Алланом учили Милли, как правильно сворачивать сигарету с марихуаной. Через неделю они стали закадычной троицей.

А потом Аллан сделал ей предложение.

Ни секунды не раздумывая, Милли согласилась. Он засмеялся, полагая, что она шутит, и начал длинно и скучно объяснять трудности своего положения: говорил про визы, про чиновников из Министерства внутренних дел, про устаревшую систему и дискриминацию гомосексуалистов. Все это время он не отрывал от Милли умоляющего взгляда, как будто ее согласия еще только предстояло добиться. Но Милли не надо было уговаривать, она уже вся трепетала от возбуждения при мысли о свадебном платье и букете невесты, о самом захватывающем для нее событии. И только когда Аллан, нахмурившись, сказал: «Просто не верится, что я прошу кого-то ради меня нарушить закон», до Милли наконец дошло, что она собирается сделать. Однако слабые уколы совести тут же потонули в пьянящем счастье, которое Милли испытала, когда Аллан обнял ее и тихонько шепнул на ушко: «Ты – ангел». Выдохнув улыбку, она ответила: «Да ну, брось!» В самом деле, не считать же это услугой.

Торжественный момент наступил. Они наскоро проговорили положенные клятвы: Аллан – сухим, неожиданно серьезным голосом; Милли – изо всех сил сдерживая смех. Затем расписались. Сначала жених – быстрой, уверенной рукой, потом невеста – пытаясь ради такого случая изобразить «взрослую» подпись. И вот, почти что к удивлению Милли, все кончилось, они стали мужем и женой. Аллан едва заметно улыбнулся и снова поцеловал Милли. Ее губы еще хранили его поцелуй, безмянный палец левой руки с позолоченным колечком еще чувствовал себя непривычно.

– Хватит фотографий,– внезапно сказал Аллан.– Не надо афишировать.

– Еще несколько, и все,– быстро отозвалась Милли.

Она с боем уломала Руперта и Аллана позволить ей надеть свадебное платье и теперь хотела продлить счастливый момент как можно дольше.

Девушка подвинулась поближе к Аллану и прильнула к его локтю, обнаженной рукой ощущая шероховатую ткань костюма. Порыв летнего ветра взъерошил ей волосы и потянул фату, обдувая шею. Старая театральная программка порхнула вдоль сточной канавы; туристы на противоположной стороне улицы начали расходиться.

– Руперт! – крикнул Аллан. – Хватит фотографировать !

– погоди, – вцепилась в его рукав Милли. – А конфетти?

– Ладно уж, – снисходительно произнес Аллан. – Кажется, без конфетти мы никак не обойдемся.

Он сунул руку в карман и подбросил вверх горсть разноцветных кружочков. В тот же миг ветер снова поймал фату Милли, на этот раз оторвав ее от маленькой пластмассовой диадемы, закрепленной в волосах. Фату эффектно подбросило в воздух, и она полетела, будто кудрявый завиток прозрачного дыма.

Фата приземлилась на тротуаре у ног темноволосого юноши лет шестнадцати, который нагнулся, поднял ее и принялся внимательно разглядывать, словно какую-то редкость.

– Эй! – воскликнула Милли. – Это мое!

Она вприпрыжку сбежала по ступенькам, оставляя за собой шлейф конфетти.

– Это мое, – повторила она отчетливо, приблизившись к подростку и решив, что он иностранный студент и может не знать английского.

– Разумеется, – ответил паренек сдержанно и учтиво. – Я только подобрал.

Он протянул фату, и девушка смущенно улыбнулась, приготовившись чуть-чуть пококетничать. Однако выражение лица паренька не изменилось; за блеском круглых стекол его очков Милли уловила легкое юношеское презрение. Она вдруг расстроилась и почувствовала себя немного глупо – стоя вот так, без головного убора, в плохо пригнанном нейлоновом платье.

– Спасибо, – поблагодарила она, забирая фату.

– Не за что, – пожал плечами подросток.

Он не уходил и наблюдал, как Милли закрепляет сетчатую ткань. Под его взглядом руки ее не слушались.

– Поздравляю, – сказал паренек.

– С чем? – не поняла Милли, затем подняла глаза и вспыхнула. – Ах да, конечно. Большое спасибо.

– Желаю счастья в семейной жизни, – бесстрастно добавил он, кивнул и, прежде чем Милли успела что-либо ответить, двинулся прочь.

Рядом с Милли внезапно вырос Аллан.

– Кто это?

– Не знаю. Он пожелал нам счастья в семейной жизни.

– Тогда уж счастливого развода, – уточнил Руперт, державший Аллана за руку.

Милли посмотрела на него: лицо Руперта просто светилось, никогда еще он не выглядел таким красавцем.

– Милли, огромное спасибо тебе от меня, – произнес Аллан. – От нас обоих.

– Не стоит благодарности, – отмахнулась Милли. – Было забавно!

– Все равно. У нас тут кое-что есть... – Аллан оглянулся на Руперта, затем вынул из кармана маленькую коробочку. – Речной жемчуг. Надеемся, тебе понравится.

– Какая прелесть! – Глаза Милли засияли. – Не надо было тратить!

– Мы хотели отблагодарить тебя, – серьезно продолжил Аллан. – Ты замечательный друг и потрясающая невеста!

Он застегнул ожерелье на шее Милли, и она покраснела от удовольствия.

– Выглядишь великолепно, – улыбнулся Аллан. – Самая красивая жена, о которой только может мечтать мужчина.

– Как насчет шампанского? – предложил Руперт.

Остаток дня они провели чудесно: плавали на плоскодонке по Черуэллу, пили марочное шампанское и придумывали всевозможные тосты друг за друга. В последующие дни практически все свое свободное время Милли проводила в компании Руперта и Аллана. По выходным они выезжали за город и, расстелив клетчатый плед, устраивали роскошные пикники, а посетив Бленем². Милли настояла, чтобы они расписались в книге посетителей как мистер и миссис Аллан Кепински.

Через три недели, когда курсы секретарей закончились, Руперт и Аллан устроили для Милли прощальную вечеринку у «Рандольфа», велели ей заказать обед из трех блюд и не позволили даже одним глазком взглянуть на цены.

На следующий день Аллан отвез Милли на вокзал, посадил на поезд, помог разместить багаж и вытер ей слезы шелковым платком. Он поцеловал ее, пообещал писать и добавил, что очень скоро они встретятся в Лондоне.

Больше Милли его не видела.

² Бленем – замок, окруженный великолепным парком и расположенный в нескольких милях от Лондона, в Вудстоке. Был сооружен по решению парламента в 1705-1722 гг. и преподнесен герцогу Мальборо в награду за его выдающиеся заслуги.

Глава 1

Десять лет спустя

Комната была большая и просторная, окна выходили на бисквитно-коричневые улицы Бата³, укрытые глазурью январского снега. Несколько лет назад комнату освежили, переделав ее в традиционном стиле – с обоями в полоску и парой-тройкой вещей георгианской эпохи. Последние, однако, совсем затерялись под горами яркой одежды, компакт-дисков, косметики и журналов, наваленных на всех без исключения горизонтальных поверхностях. Внушительный платяной шкаф красного дерева почти полностью скрывался за огромным белым чехлом для платья; на комодѣ стояла шляпная картонка; на полу возле кровати приютился чемодан, битком набитый нарядами для медового месяца в теплых краях.

Милли, поднимаясь в комнату чуть раньше, чтобы закончить с укладкой вещей, теперь удобно расположилась в кресле, посмотрела на часы и надкусила засахаренное яблоко. На коленях у нее лежал глянцевоѣ журнал, раскрытый на странице читательских писем. «Дорогая Анна, – говорилось в первом послании, – у меня есть секрет от мужа». Милли закатила глаза. На ответ редакции можно даже не смотреть, советуют всегда одно и то же: расскажи всю правду, будь честной. Точно какой-нибудь светский катехизис, который надо затвердить наизусть и повторять, не вникая в смысл.

Взгляд Милли скользнул ко второму письму. «Дорогая Анна! Я зарабатываю гораздо больше, чем мой парень». Милли презрительно захрустела яблоком. Тоже мне проблема! Она перевернула страницу. В разделе «Домашний интерьер» был представлен целый ряд дорогих мусорных корзин. А в ее списке свадебных подарков мусорных корзин нет. Может, еще не поздно добавить?

Внизу раздался звонок в дверь. Для Саймона еще слишком рано; скорее всего, приехал кто-то из постояльцев домашней гостиницы. Милли лениво оторвала взгляд от журнала и обвела глазами спальню. Эта комната принадлежала ей уже двадцать два года, с тех самых пор, когда семейство Хэвиллов переехало на Бертрам-стрит, в дом номер один, и Милли с упрямством шестилетнего ребенка безуспешно пыталась уговорить родителей выкрасить стены в ярко-розовый цвет. Она покидала дом, когда училась в школе и в колледже, даже недолгое время жила в Лондоне, и всякий раз возвращалась обратно, в эту самую комнату. Но в субботу она уедет отсюда навсегда. У нее будет собственный дом, где она все заведет по-своему, как положено взрослой, замужней женщине.

– Милли? – Голос матери прервал размышления девушки. – Саймон пришел!

– Что? – Милли взглянула в зеркало и поморщилась, недовольная своим растрепанным видом. – Ты не шутишь?

– Можно ему подняться к тебе? – Мать просунула голову в приоткрытую дверь и внимательно оглядела комнату. – Ты же собиралась навести порядок!

– Не впускай его сюда, – попросила Милли, зажав в руке яблоко. – Скажи, что я примеряю платье и через минуту спущусь.

Мать удалилась, а Милли выбросила яблоко в мусорное ведро, закрыла журнал и кинула его на пол, но потом передумала и запихала под кровать. Торопливо стянув с себя голубые леггинсы, открыла шкаф. С одной стороны гардероба висели элегантные черные брюки, темно-серая юбка, шитая на заказ, брючный костюм шоколадного цвета и с полдюжины накрахмаленных до хруста белых блузок. По другую сторону находилась одежда, которую Милли обычно

³ Бат – город в центральной Англии на р. Эйвон, знаменитый курорт с термальными источниками.

носила, когда не собиралась на свидание с Саймоном: потертые лохматые джинсы, старенькие свитера, яркие мини-юбки в обтяжку. Все то, что ей скоро придется выбросить.

Милли надела черные брюки с белой блузкой и протянула руку за кашемировым свитером – рождественским подарком Саймона. Придирчиво оглядев свое отражение в зеркале, она принялась расчесывать волосы – длиной до плеч, сливочно-белого оттенка, – пока они не заблестели, а затем обула дорогие черные мокасины. Милли и Саймон не раз сходились во мнении, что покупка дешевой обуви – ложная экономия; насколько Саймону было известно, коллекция ее обуви состояла из этих мокасин, пары коричневых сапожек и темно-синих лодочек от Гуччи, которые он купил ей сам.

Милли со вздохом закрыла шкаф, перешагнула через кучу белья, сваленную на полу, и взяла сумочку. Затем провела за ушами пробкой от духов, плотно закрыла за собой дверь и начала спускаться по лестнице.

– Милли! – донесся сдавленный шепот из спальни матери. – Зайди-ка сюда!

Она послушно вошла. Оливия Хэвилл стояла у комода и держала в руках открытую шка-тулку с драгоценностями.

– Солнышко, – начала мать, – почему бы тебе сегодня не надеть мое жемчужное ожерелье? – Она протянула дочери короткое колье с двойной ниткой жемчуга и бриллиантовым фермуаром. – Замечательно подходит к этому джемперу!

– Мамочка, мы всего лишь идем на встречу с викарием, – возразила Милли. – Ничего важного. Надевать жемчуг нет нужды.

Как это ничего важного? – возмутилась Оливия. – Посерьезнее, пожалуйста, Милли! Брачный обет дается один раз в жизни. – Она помолчала. – Кроме того, все невесты из высшего общества носят жемчуг. – Она приложила ожерелье к шее дочери. – Настоящий жемчуг, а не эту твою мелочь.

– Мне нравится мой речной жемчуг, – оправдываясь, сказала Милли. – И к высшему обществу я не принадлежу.

– Милая, ты вот-вот станешь миссис Саймон Пиннакл!

– Саймон тоже не принадлежит к высшему обществу.

– Не глупи, – решительно произнесла Оливия. – Еще как принадлежит. Он сын мульти-миллионера!

Милли устало закатила глаза.

– Мне пора.

– Ну хорошо. – Оливия с сожалением убрала колье в шкапулку. – Поступай как знаешь. Только обязательно напхни каноникну Литтону о розовых лепестках, ладно?

– Напхни, – пообещала Милли и поспешила вниз по лестнице.

Свернув в коридор, на ходу схватила с вешалки пальто.

– Привет! – крикнула она в гостиную.

Пока Саймон не вышел в коридор, поспешно пробежала глазами первую полосу свежего номера «Дейли телеграф», стараясь запомнить как можно больше заголовков.

– Милли! – Лицо Саймона просияло. – Ты великолепно выглядишь!

Милли подняла голову и улыбнулась.

– Ты тоже.

Саймон был одет по-деловому – в темный костюм, безупречно сидевший на его крепкой коренастой фигуре, голубую рубашку и лиловый шелковый галстук. Темные волосы густым ершиком топорщились над высоким лбом. И еще от Саймона в меру пахло лосьоном после бритья.

– Итак, – объявил он, открывая входную дверь и пропуская Милли на улицу, где зимний воздух был свежим и бодрящим, – идем учиться, как правильно вступать в брак.

– По-моему, это нелепо, – пожалла плечами Милли.

– Напрасная трата времени,– согласился с ней Саймон.– Что может рассказать о браке дряхлый священник? Тем более, что сам он не женат.

– Ну-у,– протянула Милли.– Наверное, так полагается.

– Лишь бы не начал нас поучать, а не то доведет меня до белого каления.

Милли взглянула на Саймона. Его шея напряглась, глаза решительно смотрели вперед. Ей показалось, что он похож на молодого бульдога, готового вцепиться кому-нибудь в глотку.

– Я точно знаю, чего хочу от брака,– нахмурился Саймон.– Мы с тобой оба знаем. И нечего чужому человеку совать нос в наши дела.

– Мы просто будем слушать и кивать,– примирительно произнесла Милли.– А потом уйдем.– Она достала из кармана перчатки.– Вообще-то я и так знаю, что он скажет.

– Что?

– Будьте добры друг к другу и не спите с кем попало.

Саймон на секунду задумался.

– Пожалуй, с первой частью я справлюсь.

Милли ткнула его кулаком в бок. Саймон расхохотался, привлек ее к себе и запечатлел поцелуй на ее блестящих волосах. На углу он вынул из кармана брелок сигнализации и, нажав на кнопку, открыл автомобиль.

– Еле-еле нашел место для парковки. На улицах не проткнешься.– Он снова сдвинул брови.– Не знаю, изменит ли что-нибудь новый закон...

– Об охране окружающей среды? – подхватила Милли.

– Точно! Читала об этом сегодня?

– Конечно,– соврала Милли, мысленно возвращаясь к заголовкам «Дейли телеграф».– Ты считаешь, они правильно расставили основные акценты?

Пока Саймон разглагольствовал, Милли смотрела в окно, время от времени кивая в знак согласия, и размышляла о том, не купить ли ей третье бикини для медового месяца.

Гостиная в доме каноника Литтона была большая, продуваемая сквозняками и набитая книгами. Книги вдоль стен, на всех столах и стульях, книги на полу – кривобокие пыльные стопки. Вдобавок почти все вещи в комнате, не являвшиеся книгами, были на них похожи. Чайник в форме книги; каминный экран, декорированный орнаментом в виде книг, даже коврик, столбиками уложенные на чайном подносе, напоминали собрание энциклопедических томов.

Сам каноник Литтон походил на ветхую книжную страницу. Его тонкая, будто пропыленная кожа, казалось, вот-вот порвется; если он смеялся или хмурился, его лицо сморщивалось тысячью складок, как мятый лист бумаги. В настоящий момент – как, впрочем, почти всегда во время церковной службы – каноник Литтон хмурился. Его кустистые седые брови сошлись в одну линию, глаза были сосредоточенно прищурены, и он угрожающе размахивал в воздухе костлявой рукой с зажатой в ней чашкой с чаем.

– Секрет счастливого брака,– витийствовал священник,– заключается в доверии. Доверие – ключ ко всему. Доверие – это краеугольный камень.

– Совершенно верно,– кивнула Милли.

За последний час она повторяла эту фразу с интервалом в три минуты. Ее жених подался вперед, точно намеревался вставить слово. Но каноник Литтон относился к тому типу ораторов, которые не позволяют себя перебивать. Едва только Саймон набирал в грудь воздуха, чтобы что-то сказать, священник начинал говорить громче и отворачивался в сторону, оставляя Саймона ни с чем, в разочарованном, но почтительном молчании. Милли видела, что Саймон готов поспорить с большинством из сказанного каноником. Что до нее, то она просто пропустила всю эту скуку мимо ушей.

Ее взор лениво скользнул влево, на застекленный книжный шкаф. Вот она отражается в стекле: изящная, безукоризненно одетая, взрослая и элегантная. Милли осталась довольна своим внешним видом. Правда, каноник Литтон все равно не оценит. Он наверняка думает, что тратить на одежду – грешно. Лучше бы Милли раздала эти деньги бедным, скажет он ей.

Она немного поерзала на диване, подавила зевоту, повернула голову и, к своему ужасу, обнаружила, что каноник смотрит на нее. Глаза его сузились, он оборвал свою тираду на полуслове.

– Прошу прощения, если утомил вас, моя дорогая, – с презрением проговорил он. – Вероятно, вам уже знакомо это изречение.

– Нет, – зарделась Милли, – не знакомо. Я просто... гм... – Она бросила быстрый взгляд на Саймона, который в ответ усмехнулся и незаметно ей подмигнул. – Я... немного устала, – сконфуженно закончила она.

– От приготовлений к свадьбе у бедняжки Милли просто голова кругом идет, – вмешался Саймон. – Столько всего надо предусмотреть – шампанское, торт...

Безусловно, – холодно отрезал священник. – Но позвольте вам напомнить, что смысл свадебного торжества отнюдь не в торте, не в шампанском и не в подарках, которые вам, несомненно, преподнесут. – Каноник пробежал глазами по комнате, как будто сравнивая собственный убогий скарб с кучами роскошных дорогих подарков, сваленными у ног Саймона и Милли, и сдвинул брови еще суровее. – Меня крайне огорчает – продолжил он, шагая к окну, – небрежное отношение многих молодых пар к церемонии венчания. Таинство брака нельзя считать обычной формальностью.

– Конечно, нельзя, – согласилась Милли.

– Это не просто вступление перед веселой вечеринкой.

– Конечно, – снова подтвердила Милли.

– Говоря словами церковной службы, к браку нельзя относиться беспечно, легкомысленно или эгоистично...

– А мы и не будем! – раздался нетерпеливый возглас Саймона. – Святой отец, вы, наверное, каждый день сталкиваетесь с парами, которые вступают в брак по каким-то ложным мотивам, но это не наш случай, ясно? Мы любим друг друга и хотим прожить вместе до конца своих дней. Для нас это серьезно. Шампанское и свадебный торт здесь совершенно ни при чем.

Саймон замолчал, и на мгновение воцарилась тишина. Милли взяла его за руку и сжала ее в своей ладони.

– Понимаю, – проговорил наконец каноник Литтон. – Что ж, рад слышать. – Он сел, сделал глоток холодного чая и поморщился. – Не хотелось бы давать вам ненужных наставлений, – продолжил он, поставив чашку на поднос, – однако вы не представляете, сколько абсолютно неподходящих пар прошло перед моими глазами. Легкомысленные юнцы, едва знакомые со своими подругами, глупые девчонки, которым нужен повод, чтобы покрасоваться в свадебном платье...

– Охотно верю, – отозвался Саймон. – Но у нас с Милли все по-настоящему. И мы действительно относимся к этому весьма серьезно. Мы хорошо знаем друг друга, любим друг друга и будем очень счастливы.

Он наклонился и с нежностью поцеловал Милли, а затем посмотрел на священника почти с вызовом.

– Гм, – произнес тот. – Ну, будем считать, что я сказал достаточно. Похоже, вы на верном пути. – Каноник Литтон взял со стола папку и принялся перелистывать в ней бумаги. – Есть еще кое-какие вопросы...

– Ты молодец, – прошептала Милли на ухо Саймону.

– Я сказал правду, – шепнул он в ответ и ласково поцеловал ее в уголок рта.

Так вот,— продолжал каноник.— Я должен был упомянуть об этом раньше. Как вам известно, в прошлое воскресенье преподобный Гаррис забыл объявить о вашем бракосочетании⁴.

— Неужели? — удивился Саймон.

— Вы, безусловно, обратили на это внимание.— Священник взглянул на Саймона с неодобрением.— Если не ошибаюсь, вы присутствовали на утренней службе?

— Ах да,— сказал Саймон после паузы.— Конечно. То-то мне показалось, что не все в порядке.

Преподобный Гаррис очень сожалеет,— каноник раздраженно засопел,— но сделанного не воротишь. Так что вам придется венчаться по специальному разрешению⁵.

— Вот как? И что это означает? — спросила Милли.

— Это означает, что, кроме всего прочего, вы должны будете принести клятвы.

— Черт побери! — не удержалась Милли.

— Что, простите? — недоуменно переспросил священник.

— Нет-нет, ничего, пожалуйста, продолжайте,— смущенно ответила она.

— Вы должны торжественно поклясться, что все сведения, которые вы сообщили мне, являются правдой,— объяснил каноник Литтон. Он протянул Милли Библию и лист бумаги.— Проверьте, что здесь все правильно написано, и поклянитесь вслух на Библии.

На несколько секунд Милли углубилась в чтение, потом радостно улыбнулась и объявила:

— Все точно!

— Мелисса Грейс Хэвилл,— прочел Саймон, заглядывая Милли через плечо.— Девица.— Он состроил гримасу.— Надо же, девица!

— Эй! — строго оборвала его Милли.— Не мешай, я должна принести клятву.

— Замечательно,— подытожил каноник Литтон и широко улыбнулся Милли.— Теперь, как говорится, все честь по чести.

К тому времени, как они покинули дом священника, на улице стало холодно и темно. Снова повалил снег, зажглись уличные фонари. В окне напротив искрились разноцветные огоньки рождественской гирлянды. Милли сделала глубокий вдох, потерла ноги, затекшие от долгого сидения в одной позе, и посмотрела на Саймона. Однако прежде чем она успела что-то сказать, с противоположной стороны улицы раздался торжествующий возглас:

— Ага! Вот вы где!

— Мама!

— Оливия,— сказал Саймон.— Какой приятный сюрприз.

Миссис Хэвилл перешла через дорогу, лучезарно улыбаясь. Снежинки легко падали на ее светлые, уложенные в красивую прическу волосы и зеленое кашемировое пальто. Практически вся одежда Оливии была цвета драгоценных камней — сапфирово-синего, рубиново-красного, аметистово-лилового. Наряд неизменно дополняли блестящие золотые пряжки, переливающиеся пуговицы и обувь, отделанная позолотой. Когда-то втайне она мечтала о бирюзовых контактных линзах, но побоялась, что над ней станут посмеиваться. Посему вместо этого Оливия Хэвилл старалась как можно выгоднее подчеркнуть природную голубизну глаз с помощью золотых теней для век и раз в месяц посещала косметический салон, где красила ресницы в черный цвет.

Сейчас ее взгляд, в котором светилась родительская любовь, был устремлен на Милли.

— Ты, конечно же, не спросила каноника Литтона насчет розовых лепестков?

⁴ Согласно церковной традиции, объявление о предстоящем браке делается заранее с целью выяснения, не имеется ли препятствий к нему.

⁵ Специальное разрешение — разрешение на венчание без оглашения имён, в неустановленное время или в неустановленном месте.

– Ой, нет, – спохватилась Милли. – Совсем забыла.

– Я так и знала, поэтому решила зайти к нему сама. – Она улыбнулась Саймону. – У моей маленькой девочки ветер в голове гуляет, да?

– Я бы так не сказал, – сухо произнес Саймон.

– Ну еще бы, ты ведь в нее по уши влюблен!

Оливия весело рассмеялась и взъерошила ему волосы. На шпильках она была чуть-чуть выше Саймона, и от него не укрылось – хотя больше никто этого не замечал, – что после их с Милли помолвки Оливия стала надевать туфли на высоком каблуке все чаще и чаще.

– Мне пора, – проговорил он. – Я должен вернуться в офис. На работе сейчас уйма хлопот.

– Как и у всех! – заметила Оливия. – Осталось каких-то четыре дня. Четыре дня – и вы пойдете к алтарю. А у меня еще тысяча дел! – Она обернулась к дочери. – Ты занята, милая? Тоже спешишь?

– Нет. Я взяла выходной на полдня.

– Как насчет того, чтобы пройтись со мной в город? Не выпить ли нам...

– По чашечке горячего шоколада у «Марио»? – закончила Милли.

– Именно. – С победоносной улыбкой Оливия воззрилась на Саймона. – Я читаю мысли своей дочери, как открытую книгу!

– Точнее, как открытое письмо, – парировал Саймон.

Повисла напряженная пауза.

– Ну, я пойду, – невыразительно произнесла Оливия, нарушив наконец молчание. – Я ненадолго. До вечера, Саймон.

Она открыла калитку, ведущую к дому каноника Литтона и проворно двинулась по тропинке, слегка скользя на снегу.

– Зачем ты так? – укорила Милли Саймона, когда они оказались вне пределов слышимости. – Про письмо. Она взяла с меня обещание не говорить тебе.

– Извини, но она это заслужила. Почему она считает, что у нее есть право читать личную переписку?

Милли пожала плечами.

– Она ведь объяснила, что это получилось нечаянно.

– Нечаянно?! Милли, письмо было адресовано тебе и лежало в твоей спальне.

– Да ладно, – добродушно сказала Милли. – Пустяки. – Она вдруг хихикнула. – Хорошо еще, ты ничего такого не написал про нее.

– В следующий раз напишу, – пообещал Саймон и бросил взгляд на часы. – Мне и в самом деле пора.

Он взял в ладони ее замерзшие пальцы, нежно перецеловал их и привлек Милли к себе. Прикосновение его губ было мягким и теплым. Объятия становились все крепче, и Милли закрыла глаза...

Внезапно Саймон отпустил ее, и порыв холодного ветра со снегом ударил ей прямо в лицо.

– Все, я побежал. Пока.

– Пока, – попрощалась Милли.

Он открыл дверцу машины, сел за руль и, резко тронувшись, мгновенно скрылся из виду.

Саймон всегда торопился. Спешил чем-то заняться, чего-то достичь. Ему, как щенку, требовался каждодневный выгул; он либо делал полезные дела, либо активно наслаждался жизнью. Терпеть не мог терять время, не понимал, как это Милли способна провести целый день в счастливой праздности или не иметь определенных планов на уик-энд. Иногда он присоединялся к ней в безмятежной неге, повторяя при этом, как хорошо порой немного расслабиться, – а через несколько часов вскакивал и заявлял, что отправляется на пробежку.

Когда Милли впервые увидела его – на кухне в гостях у знакомых, – Саймон одновременно разговаривал по мобильному телефону, запихивал в рот чипсы и щелкал пультом, просматривая заголовки новостей в режиме телетекста. Увидев, что Милли наливает себе вино, он тоже протянул бокал, а в перерыве разговора успел улыбнуться и поблагодарить ее.

– Вообще-то вечеринка в другой комнате, – сообщила она.

– Знаю-знаю, – отозвался Саймон и опять уткнулся в телевизор. – Буду через минуту.

Милли закатила глаза и покинула кухню, предоставив этого странного парня самому себе и даже не поинтересовавшись, как его зовут. Однако чуть позднее тем же вечером, когда Саймон вновь присоединился к остальной компании, он подошел к Милли, очень любезно представился и извинился за невнимание.

– Не хотел пропустить важные деловые новости.

– Плохие или хорошие?

Сделав очередной глоток вина, Милли пришла к выводу, что изрядно набралась.

– Это зависит от того, кто вы.

– А разве не все в этом мире зависит от того, кто мы? Хорошая новость для одного – плохая для другого. Даже... – Она взмахнула рукой с бокалом. – Наступление всеобщего мира. Плохая новость для производителей оружия.

– Да, – медленно проговорил Саймон. – Пожалуй. Никогда не думал об этом с такой точки зрения.

– Ну, не всем же быть великими мыслителями, – сказала Милли, с трудом удержавшись, чтобы не прыснуть со смеху.

– Принести вам чего-нибудь выпить? – предложил Саймон.

– Не-а. Если хотите, можете зажечь для меня сигарету.

Саймон склонился над ней, оберегая ладонью пламя, и Милли про себя отметила, что у него гладкая и загорелая кожа, сильные пальцы и что ей нравится запах его лосьона после бритья. Когда она сделала затяжку, их взгляды встретились. К удивлению Милли, под взглядом внимательных, темно-карих глаз Саймона по ее спине пробежала дрожь, и она нерешительно улыбнулась в ответ.

Позже, когда общая беседа иссякла и гости, разбившись на группы, уселись на пол и закурили марихуану, разговор зашел о вивисекции. Неделей раньше, лежа дома с простудой, Милли случайно посмотрела по телевизору выпуск познавательной детской передачи «Отдать швартовы!», где речь шла как раз о вивисекции, поэтому на вечеринке поразила всех своими познаниями. Саймон не сводил с нее восхищенного взгляда.

Несколько дней спустя он пригласил ее поужинать и много говорил о бизнесе и политике. Милли, которая не разбиралась ни в том ни в другом, только улыбалась и согласно кивала; в завершение вечера, перед тем как в первый раз ее поцеловать, Саймон сказал, что Милли – необычайно тонкая и восприимчивая натура. Через некоторое время она попыталась признаться в своем удручающем невежестве в вопросах политики – как, впрочем, и в большинстве других предметов, но Саймон лишь пожурил ее за излишнюю скромность.

– Я помню ту вечеринку, – сказал он. – Ты в пух и прах разгромила того чудака с его слабыми доводами. Ты прекрасно разбиралась в том, о чем говорила. По правде говоря, – добавил Саймон, и его глаза чуть потемнели, – ты меня здорово завела!

И Милли, уже готовая выдать свой источник информации, лишь теснее прижалась к нему, чтобы он поцеловал ее еще раз.

Саймон так и не изменил своего первоначального впечатления о ней. Он по-прежнему укорял ее за скромность, по-прежнему считал, что ей нравятся те же заумные выставки, что и ему, интересовался мнением Милли насчет американской предвыборной кампании и внимательно выслушивал ее ответы. Он был уверен, что она любит суши и читает Сартра. Не собира-

ясь вводить Саймона в заблуждение, однако не желая и разочаровывать его, Милли позволила ему создать собственное представление о ее личности,— не совсем соответствовавшее истине.

Что будет, когда они начнут жить вместе, Милли не знала. Порой ее беспокоила степень искаженное™ своего образа; она не сомневалась, что Саймон уличит ее в обмане, едва застанет в слезах над пошлым бульварным романом. В другие дни Милли убеждала себя, что образ этот не настолько и ложен. Пускай даже она не та утонченная женщина, которой ее считает Саймон, но она может ею стать. Надо всего-навсего выбросить старую одежду и носить только новые вещи; иногда вставлять умные замечания и благоразумно помалкивать остальное время.

Однажды, в начале их отношений, когда они лежали в огромной двуспальной кровати Саймона в Пиннакл-холле, он сказал ей, что сразу понял: она — особенная, ведь она никогда не спрашивала его об отце. «Почти все девушки,— с горечью констатировал он,— интересуются только тем, каково быть сыном Гарри Пиннакла; хотят, чтобы я помог им устроиться на работу в отцовской фирме. Но ты... ты даже ни разу не упомянула о нем». Саймон настороженно глядел на нее, а Милли нежно улыбнулась ему и что-то неразборчиво пробормотала сонным голосом. Она не нашла в себе сил признаться, что не упоминала о Гарри Пиннакле только потому, что в жизни о нем не слышала.

— Итак, сегодня вечером нас ждет ужин с Гарри Пиннаклом! Это должно быть очень интересно.

Голос матери прервал размышления Милли, и она подняла глаза.

— Да, наверное.

— У него все тот же замечательный повар-австриец?

— Не знаю.

Милли вдруг поймала себя на том, что переняла у Саймона его холодный тон, когда речь заходила о Гарри Пиннакле. Саймон по возможности старался избегать разговоров об отце; если собеседники были чересчур настойчивы, он резко менял тему. Он неоднократно разворачивался и уходил от своей будущей тещи, когда та настырно выпрашивала у него пикантные подробности и байки из жизни известного магната. Связи между этими явлениями она до сих пор не замечала.

— Гарри абсолютно не выделяется из остальных, это чертовски мило с его стороны, не находишь? — продолжала Оливия. Она по-семейному взяла Милли под руку, и они неторопливо двинулись по заснеженной улице.— Я так всем и говорю: глядя на Гарри, даже в голову не придет, что он знаменитый мультимиллионер, что именно он создал громадную национальную сеть предприятий. Встретившись с ним, всякий просто подумает — какой приятный человек! Саймон весь в него.

— Саймон — вовсе не мультимиллионер, он обыкновенный рекламный агент.

— Далеко не обыкновенный, милочка!

— Мама, прошу тебя...

— Знаю, тебе не нравится, когда я так говорю. Но в один прекрасный день Саймон скажочно разбогатеет, это факт.— Оливия легонько сжала руку дочери.— И ты вместе с ним.

— Возможно.— Милли равнодушно пожала плечами.

— А когда это произойдет, твоя жизнь изменится.

— Не изменится.

— Богатые живут по-другому.

— Минуту назад ты восхищалась простотой Гарри. Он ведь не живет по-другому, правда?

— Все относительно, солнышко.

Они приближались к небольшой галерее дорогих модных лавок. Перед мягко освещенной витриной первого магазинчика мать и дочь остановились. За стеклом был выставлен единственный манекен в изысканном платье из тяжелого белого бархата.

– Прелесть,– пробормотала Милли.

– У тебя лучше,– немедленно возразила Оливия.– Я не видела ни одного свадебного платья красивее, чем твое.

– Да,– задумчиво проговорила Милли.– Мое платье красивое.

– Девочка моя, оно изумительно!

Они еще немного постояли у витрины. Их взгляды притягивал теплый розовый свет за стеклом; облака шелка, атласа и кружев, которыми были задрапированы стены; букеты из засушенных цветов и крошечные туфельки с затейливой вышивкой, предназначавшиеся для подружек невесты.

Оливия вздохнула.

– Вся эта кутерьма с подготовкой к свадьбе доставляет столько удовольствия! Мне будет жаль, когда все закончится.

– Ммм,– промычала Милли.

– Не знаешь, Изабел сейчас с кем-нибудь встречается? – как бы невзначай спросила мать.

Милли вскинула голову.

– Мамочка, ты что, и ее хочешь выдать замуж?

– Нет, конечно! Так, простое любопытство. Она ведь ничего мне не рассказывает. Я поинтересовалась, не хочет ли она прийти на свадьбу с приятелем...

– И что она?

– Сказала, что нет,– с сожалением ответила Оливия.

– Вот видишь.

– Это ни о чем еще не говорит.

– Мамуля, если ты хочешь знать, есть ли у Изабел парень, почему бы тебе не спросить у нее самой?

– Пожалуй,– рассеянно произнесла Оливия, как будто потеряв интерес к этой теме.– Пожалуй, я так и сделаю.

Через час они вышли из кофейни «У Марио» и направились домой. К тому времени, когда они вернутся, кухню начнут заполнять постояльцы домашней гостиницы, насмотревшиеся достопримечательностей и стершие в кровь ноги. Дом Хэвиллов на Бертрам-стрит был одним из самых популярных полупансионов Бата: туристам нравился красивый городской особнячок, со вкусом обставленный в георгианском стиле и удобно расположенный недалеко от центра; их привлекало радушие очаровательной хозяйки, любившей посудачить и умевшей превратить обычный сбор незнакомых людей в уютную вечеринку.

Полдник был самым оживленным временем в доме. Оливия обожала собирать гостей вокруг стола, за которым подавались фирменные сдобные булочки и классический английский чай с бергамотом. Она представляла постояльцев друг другу, с интересом слушала, как они провели день, рекомендовала программу развлечений на вечер и делилась свежими сплетнями о людях, которых ее клиенты никогда не знали. Если гость изъявлял желание удалиться в свою комнату и вскипятить чай в дорожном чайнике, наутро его ждал неодобрительный взгляд и холодные тосты. Оливия Хэвилл презирала дорожные чайники и чай в пакетиках и держала их в доме только ради того, чтобы ее заведение соответствовало четырем звездочкам в справочнике по домашним гостиницам Бата. Точно так же она презирала – однако в силу необходимости предоставляла своим клиентам – кабельное телевидение, вегетарианские сосиски и набор брошюр с рекламой местных парков отдыха и аттракционов. К вящему ее удовольствию, пополнять запас этих брошюр ей почти не приходилось.

– Да, чуть не забыла,– сказала Оливия, когда они свернули на Бертрам-стрит.– Пока тебя не было, приехал фотограф. Совсем молоденький!

Она порылась в сумочке в поисках ключа.

– Я думала, он приезжает завтра.

Я тоже. У этих замечательных австралийцев умер кто-то из родственников, и, на наше счастье, они срочно уехали. Иначе у нас не хватило бы места. Кстати, об Австралии... – Оливия вставила ключ в замок и распахнула дверь. – Посмотри-ка!

– Цветы! – воскликнула Милли. В прихожей стоял огромный букет сливочно-белых цветов, перевязанный темно-зеленой шелковой лентой с бантом. – Это мне? От кого?

– Прочти, что написано на карточке, – посоветовала миссис Хэвилл.

Милли взяла букет и зашуршала целлофаном в поисках карточки.

– «Славной малышке Милли, – медленно прочла она. – Мы очень горды за тебя и сожалеем, что не можем приехать на твою свадьбу. Мысленно рядом. С любовью, Бетт, Скотт и Адриан». – Милли ошеломленно посмотрела на мать. – Как мило с их стороны. Из самого Сиднея!

– Они рады за тебя, дорогая, – сказала Оливия. – Все за тебя рады. Свадьба выйдет просто чудесная!

– Какая красота! – послышался приятный голос сверху. Одна из постоялиц домашней гостиницы, женщина средних лет в свободных синих брюках и теннисных туфлях, спускалась по лестнице. – Цветы для невесты?

– И это только начало! – со смехом похвасталась Оливия.

– Ты счастливица, – обратилась к Милли гостя.

– Я знаю, – ответила та, и на ее лице расцвела довольная улыбка. – Пойду поставлю их в воду.

С букетом в руках, Милли открыла дверь в кухню и в удивлении остановилась. За столом сидел молодой человек в потертой джинсовой куртке, с темно-каштановыми волосами и в круглых очках в металлической оправе. Незнакомец читал «Гардиан».

– Добрый вечер, – вежливо поздоровалась Милли. – Вы, должно быть, фотограф.

– Привет! – отозвался парень, сворачивая газету. – Ты – Милли?

Он посмотрел на нее, и в голове у Милли промелькнуло ощущение, что они знакомы. Где-то она уже видела этого парня.

– Александр Гилберт, – сухо представился фотограф и протянул руку. Милли любезно пожала ее. – Красивые цветы, – кивнул он в сторону букета.

– Да, – согласилась Милли, с любопытством разглядывая молодого человека.

Черт побери, где она могла его видеть? Почему его лицо отпечаталось у нее в памяти?

– Но это еще не свадебный букет, верно?

– Нет, нет. – Она слегка наклонила голову и втянула носом сладкий аромат цветов. – Его прислали наши друзья из Австралии. Очень внимательно с их стороны, учитывая, что...

Милли не договорила; ее сердце заколотилось.

– Учитывая что?

– Ничего. Я имела в виду... Пойду поставлю цветы в воду.

Милли ринулась к двери, вспотевшими ладонями сжимая шуршащий целлофан. Она вспомнила, где встречалась с этим юношей. Совершенно точно вспомнила. При мысли об этом сердце екнуло, и она стиснула зубы, заставляя себя сохранять спокойствие. «Все в порядке, – уговаривала она себя, хватаясь за дверную ручку. – Все нормально. Только бы он меня не узнал...»

– Постой!

Голос врезался в мозг Милли, как будто парень прочел ее мысли.

Внезапно ощутив дурноту, она обернулась и увидела, что Александр, нахмурившись, внимательно разглядывает ее.

– Погоди-ка минутку! Мы с тобой не знакомы?

Глава 2

В тот вечер по пути домой Саймон попал в дорожную пробку. Глядя на бесконечно падающие хлопья снега и ритмичное движение «дворников», он потянулся за телефоном, чтобы позвонить Милли. Набрав первые две цифры ее номера, передумал и отключил мобильник. Хотелось услышать ее голос, представить мимику ее лица. А вдруг она занята? Вдруг не поймет, ведь его звонок – просто порыв души. А если она еще не пришла, ему наверняка придется общаться с миссис Хэвилл.

Саймону нравилось в Милли все, кроме ее матери. Оливия довольно приятная женщина, еще не утратившая привлекательности, интересная и обаятельная. Вполне понятно, почему без нее не обходилось ни одно светское мероприятие в городе. Однако ее отношение к Милли раздражало Саймона донельзя. Судя по всему, миссис Хэвилл до сих пор считала, что дочери лет пять-шесть: она помогала ей выбирать одежду, советовала надеть шарф, каждый день и каждую минуту желала знать, чем Милли занята. И самое неприятное, по мнению Саймона, что его невеста ничуть не возражала против такого обращения. Она позволяла матери гладить ее по головке и называть «сладкой маленькой девочкой», послушно звонила домой, если задерживалась допоздна. В отличие от своей старшей сестры Изабел, которая давным-давно обзавелась собственной квартирой и покинула родительский дом, у Милли явно не наблюдалось естественного желания обрести независимость.

В результате мать по-прежнему видела в ней ребенка, а не зрелого, взрослого человека. Отец и сестра вели себя практически так же. Смеялись, когда Милли выражала свою точку зрения, подшучивали по поводу ее карьеры, все важные вопросы обсуждали без ее участия. Они отказывались замечать в ней умную, страстную женщину, какой видел ее Саймон, не желали воспринимать ее всерьез, на равных с собой.

Саймон не раз пытался завести с Милли разговор о ее семье, раскрыть ей глаза на ограничения и чрезмерную опеку со стороны близких, но она лишь пожимала плечами. «Они вовсе не плохие люди», – отвечала она, а если он позволял себе более жесткую критику, искренне огорчалась. Милли – слишком добродушное и любящее создание, чтобы замечать недостатки родных, думал Саймон, оставляя позади Бат и сворачивая к Пиннакл-холлу. Он любил Милли за то, что она именно такая. Однако после свадьбы, когда они станут жить вместе, все будет по-другому. У Милли сменится круг интересов, и ее семье придется с этим считаться. Она станет замужней женщиной, а потом и матерью. Хэвиллам следует признать, что Милли – больше не их маленькая девочка.

Подъехав к Пиннакл-холлу, Саймон набрал на брелке специальный код и откинулся на сиденье, ожидая, пока откроются ворота – тяжелые, железные, с резными коваными буквами, составляющими слово «Пиннакл». Из всех окон лился свет, на парковочной площадке стояло несколько машин, а в крыле, отведенном под офис, все еще кипела жизнь. Отцовский красный «мерседес» красовался прямо перед домом – здоровенный, сверкающий, кичливый автомобиль. Саймон терпеть его не мог.

Он поставил свой «гольф» в неприметном уголке и, хрустя заснеженным гравием, направился к Пиннакл-холлу. Это внушительное здание, построенное в восемнадцатом веке, в восьмидесятые годы выполняло роль роскошного отеля, дополненного комплексом развлечений и изящной пристройкой с дополнительными комнатами для гостей. Когда владельцы отеля разорились, Гарри Пиннакл выкупил его и превратил в жилой дом, отведя пристроенное крыло под штаб-квартиру своей компании. Очень удобно, не раз повторял он приезжавшим для интервью журналистам, – жить и работать за пределами Лондона. В конце концов, он уже не молод и форс ему ни к чему. За этой фразой обычно следовала пауза, потом дружный смех, Гарри довольно улыбался и нажимал на кнопку звонка, требуя еще кофе.

Обитый деревом холл был пуст и пах воском. Из-под двери, ведущей в кабинет отца, пробивалась полоска света; до Саймона донесся негромкий голос Гарри, потом взрыв приглушенного смеха. Обида, никогда полностью не оставлявшая Саймона, снова острыми иголками впиалась в его кожу, и он до боли стиснул кулаки в карманах брюк.

Саймон ненавидел своего отца столько, сколько себя помнил. Гарри Пиннакл бросил семью, когда Саймону было три года, оставив мать воспитывать сына в одиночку. Мать особо не рассказывала, как и почему распался их брак, но Саймон знал, что винить следует Гарри. Его властного, заносчивого, невыносимого отца. Спешащего жить, бурлящего идеями, невероятно удачливого отца. Успех отца – вот что Саймон ненавидел сильнее всего.

История этого успеха была широко известна. В год, когда Саймону исполнилось семь, Гарри Пиннакл открыл небольшой безалкогольный бар и назвал его «Фруктовый восторг». В кафе с хромированными стойками подавались полезные для здоровья напитки, и заведение немедленно стало пользоваться огромной популярностью. В следующем году Гарри открыл второй бар, годом позже – третий. А еще через год начал продавать другим фирмам разрешения на эксплуатацию заведений под маркой «Фруктовый восторг». К середине восьмидесятых кафе с таким названием существовало в каждом городе. Гарри Пиннакл стал мультимиллионером.

В то время как общественное положение и капиталы Гарри росли, а его имя постепенно перекочевывало с внутренних страниц газет в заголовки передовиц, юный Саймон с холодной яростью наблюдал за прогрессом отца. Чеки приходили ежемесячно, и мать неизменно всплескивала руками, восхищаясь щедростью Гарри. Но сам он не появился ни разу. А потом, когда Саймону было девятнадцать, мать умерла, и Гарри Пиннакл вновь вошел в его жизнь.

Саймон нахмурился и почувствовал, как ногти впиваются в ладони: он вспомнил тот момент, десять лет назад, когда впервые увидел отца. Саймон беспокойно мерил шагами коридор больницы перед дверями палаты, где лежала мать; он был вне себя от горя, гнева и усталости. Внезапно кто-то окликнул его по имени. Саймон обернулся и увидел лицо, знакомое по тысячам газетных фотографий. Знакомое и вместе с тем чужое. Рассматривая его в безмолвном потрясении, Саймон вдруг осознал, что видит собственные черты, только на постаревшем лице. Вопреки себе, он вдруг ощутил, как у него, словно у младенца в безотчетной попытке сближения, вытягиваются эмоциональные антенны, инстинктивные усики. В ту минуту было бы так легко припасть к отцовской груди, позволить ему разделить бремя, сделать шаг навстречу и принять его дружбу. Саймон не стал ждать, пока сердце смягчится, – он подавил свои чувства и похоронил их глубоко в душе. Гарри Пиннакл не заслуживает его любви и никогда ее не получит.

После похорон Гарри пригласил Саймона жить в его доме. Он отдал сыну собственную комнату, собственную машину, устроил ему роскошные каникулы. Саймон вежливо все принимал. Но если Гарри рассчитывал, осыпав сына дорогими подарками, купить его привязанность, то здесь он ошибался. И хотя юношеское озлобление Саймона понемногу утихло, его место заняла твердая решимость превзойти отца во всех сферах. Он тоже откроет удачный бизнес и заработает кучу денег, но, кроме того, у него еще будет счастливый брак – в отличие от отцовского; он воспитает в своих детях любовь к родителям, станет главой крепкой, здоровой семьи. Он построит жизнь, какой никогда не было у его отца, и Гарри будет завидовать сыну.

Саймон начал с того, что открыл небольшое издательство: три специализированных информационных бюллетеня, умеренный доход и большие надежды. Надежды, которым не суждено было исполниться. После трех лет напряженных усилий прибыль упала до нуля; на исходе четвертого года издательство обанкротилось.

Унижение с новой силой обожгло Саймона при воспоминании о том дне, когда ему пришлось сказать отцу о том, что он разорился, принять приглашение Гарри, продать квартиру и опять поселиться в Пиннакл-холле. Отец налил ему полный бокал виски, изрек несколько

избитых фраз о взлетах и падениях и предложил работу в «Пиннакл энтерпрайзис». Проробмотав под нос слова благодарности, Саймон немедленно отклонил предложение. В тот тяжелый период он презирал себя едва ли не больше, чем своего отца. Его терзали жгучий стыд и разочарование.

В конце концов Саймон нашел работу рекламного агента в скромном малотиражном деловом журнале. С перекошенным лицом он принял поздравления Гарри; скривился, когда отец принялся листать убогое издание, пытаясь подобрать хоть какие-то слова одобрения. «Занятие так себе, – оправдываясь, сказал Саймон, – но, по крайней мере, я опять в строю». По крайней мере, он опять встал в строй: дни были заполнены работой, и он начал выплачивать долги.

Через три месяца он встретил Милли, годом позже попросил ее выйти за него. Отец снова поздравил его и предложил купить кольцо для невесты. Как и прежде, Саймон ответил отказом. «Я сам», – сказал он тогда, глядя отцу в глаза, и в этом взгляде читалась новая уверенность, почти вызов. Если он не смог обойти отца в бизнесе, значит, превзойдет его в семейной жизни. У них с Милли будет идеальный брак. Они будут любить и понимать друг друга, помогать друг другу. Они будут вместе обсуждать все проблемы, совместно принимать решения, в доме будет царить любовь, а дети станут вершиной их счастья. Все должно быть именно так, а не иначе. Один раз Саймон уже испытал провал и больше никогда не хотел пережить его снова.

Внезапно его размышления прервал очередной раскат смеха за дверью отцовского кабинета, неразборчивое бормотание и легкий металлический звон, означавший, что Гарри положил трубку старомодного телефонного аппарата, подключенного к его личной линии. Выждав пару минут, Саймон глубоко вздохнул, подошел к двери и постучал.

Услышав стук, Гарри Пиннакл почему-то вздрогнул. Он быстро убрал фотографию, которую держал перед собой, в ящик стола и задвинул его. Затем на всякий случай запер ящик на ключ. На несколько мгновений застыл, невидящими глазами уставясь на ключ, погруженный в свои мысли.

Стук повторился. Гарри поднял голову, повернулся на крутящемся кресле спиной к столу и пригладил седеющие волосы.

– Войдите.

Дверь распахнулась, Саймон вошел в кабинет, сердито глядя на отца. Как всегда, одно и то же: Саймон стучится, а Гарри заставляет его ждать снаружи, точно прислугу. Ни разу Гарри не попросил сына входить без стука, ни разу не выказал радости при виде отпрыска. На отцовском лице неизменно читалось раздражение, как будто Саймон врывается в момент заключения сделки века. «Чушь собачья, – подумал Саймон, – ты вовсе не занят. Ты просто высокомерный ублюдок».

Сердце Саймона бешено колотилось, ему хотелось нарваться на ссору, но он не мог заставить себя произнести слова, кипевшие внутри.

– Привет, – натянуто поздоровался он.

Вцепившись в спинку кожаного кресла, Саймон в немой ярости воззрился на отца, надеясь спровоцировать того на конфликт. Однако Гарри лишь вздохнул и положил ручку на стол.

– Здравствуй. Как прошел день? Саймон пожал плечами и отвернулся.

– Виски не хочешь?

– Нет, спасибо.

– А я, пожалуй, выпью.

Поднявшись, чтобы налить себе виски, Гарри краем глаза уловил выражение лица сына – истинное, не предназначавшееся для посторонних: искаженное, несчастное, злое лицо. Саймона переполняло ожесточение – с тех пор, как впервые увидел Гарри у дверей больничной палаты, где лежала мать. В тот день Саймон плюнул отцу под ноги и с презрением удалился, прежде чем Гарри успел заговорить. В душе Гарри зародилось и начало расти отвратительное

чувство вины, терзавшее его всякий раз, когда парень смотрел на него проклятыми глазами своей матери.

– Как прошел день? – обратился он к сыну, поднося бокал к губам.

– Ты уже спрашивал.

– Ах да, точно.

Гарри сделал глоток обжигающего напитка и сразу почувствовал себя лучше. Он глотнул еще.

– Я пришел напомнить тебе насчет ужина. Сегодня придут Хэвиллы.

– Помню, – отозвался Гарри. Он опустил бокал и глянул на сына. – До счастливого дня осталось совсем немного. Волнуешься?

– Нисколько, – мгновенно ответил Саймон.

Гарри пожал плечами.

– Это серьезный шаг, серьезные обязательства.

Саймон в изумлении уставился на отца. С его уст вот-вот были готовы сорваться слова – тем самые, которые он годами носил в себе тяжелым бременем.

– Ты-то что знаешь о серьезных обязательствах? – услышал он свой голос.

Вспышка гнева промелькнула на лице Гарри, и Саймон вдруг ощутил резкий прилив нервного возбуждения, смешанного со страхом. Он ждал, что отец закричит на него, даже приготовился к более острой реакции, однако эмоции схлынули с лица Гарри так же быстро, как и появились. Отец отвернулся и прошел через кабинет к огромным подъемным окнам. Саймона охватило разочарование.

– Чем тебя смущают обязательства? Что плохого в том, чтобы любить одного человека всю жизнь?

– Ничего, – не оборачиваясь, произнес Гарри.

– Тогда почему... – начал было Саймон, но оборвал фразу.

Повисла долгая тишина, прерываемая лишь треском дров в камине. Саймон сверлил взглядом спину отца. «Скажи что-нибудь, – в отчаянии думал он. – Скажи хоть что-нибудь, ты, паршивый ублюдок».

– Встретимся в восемь, – наконец произнес Гарри.

– Договорились. – В голосе Саймона явственно слышалась обида. – До вечера.

Не дожидаясь ответа, он вышел.

Гарри посмотрел на бокал, который держал в руке, и про себя выругался. Черт, он не хотел огорчать мальчика. Или хотел? Он уже не мог разобраться в своих мотивах, проанализировать свои чувства. Жалость так быстро превращалась в раздражение, вина так быстро сменялась озлоблением... Добрые намерения в отношении сына испарялись, как только Саймон открывал рот. Одна часть Гарри с нетерпением ждала, когда Саймон женится, покинет его дом, с головой уйдет в собственную семью, наконец-то оставит его в покое; другая же часть боялась предстоящего события, не хотела даже думать об этом.

Нахмурившись, Гарри налил себе еще виски и вернулся за письменный стол. Он раскрыл телефонную книгу, набрал номер, подождал, нетерпеливо прислушиваясь к длинным гудкам, а потом со злостью швырнул трубку.

Сердце Милли гулко ухало в груди. Она сидела за кухонным столом, мечтая куда-нибудь скрыться. Это он, тот мальчишка из Оксфорда. Тот самый – он видел их с Алланом свадьбу, поймал ее фату и отдал ей. Он заметно повзрослел, лицо загорело, на подбородке видна щетина. Но остались все те же круглые очки в металлической оправе и заносчивое, почти презрительное выражение. Сейчас он сидит, откинувшись на спинку стула, и с любопытством ее разглядывает. Только бы он не вспомнил, молила Милли про себя, не в силах поднять на него глаз. Боже мой, только бы не вспомнил, кто я такая.

– Ну вот, – возвестила Оливия, подойдя к столу. – Я привела в порядок твои цветы. Нельзя же просто кинуть букет и забыть про него!

– Да, конечно, – промямлила Милли. – Спасибо.

– Еще чаю, Александр? – предложила Оливия.

– Угу, – кивнул он и протянул чашку. – Благодарю.

Налив чай, миссис Хэвилл уселась за стол и послала Александру приятную улыбку.

– Как замечательно! У меня такое чувство, словно торжество уже начинается. – Она пригубила чай, затем перевела взгляд на дочь. – Милли, ты показывала Александру обручальное кольцо?

Чувствуя, как внутри все сжимается, Милли медленно протянула Александру левую руку. Тот без всякого выражения взглянул на бриллиант в изящной, в старинном стиле, оправе, затем перевел взор на Милли.

– Очень красиво, – оценил он и отхлебнул чаю. – Ты помолвлена с сыном Гарри Пиннакла, наследником «Фруктового восторга», так ведь?

– Да, – неохотно выдавила Милли.

– Завидный жених.

– Саймон – просто прелесть, – вставила Оливия, как делала всегда, если кто-нибудь упоминал о деньгах Саймона или его происхождении. – Совсем как мы.

– А чем он занимается? – осведомился фотограф с едва заметной издевкой. – Работает в фирме у отца?

– Нет, – сказала Милли. Собственный голос показался ей чужим и деревянным. – Он – специалист по рекламе.

– Понятно. – Помолчав, Александр сдвинул брови и сказал Милли: – И все-таки я уверен, что где-то тебя видел.

– В самом деле? – удивилась Оливия. – Забавно!

– Боюсь, ты ошибаешься.

Милли постаралась, чтобы ее слова прозвучали как можно беспечней.

– Возможно, дорогая, но ведь у тебя плохая память на лица. – Миссис Хэвилл повернулась к фотографу. – Я, как и вы, Александр, если уж один раз увижу человека, то запомню его навсегда.

– Лица – моя работа. – Молодой человек обвел взглядом Милли, отчего она едва не вздрогнула. – Слушай, а ты ничего не делала со своими волосами? – вдруг спросил он.

У Милли упало сердце.

– Нет, – покачала она головой, сжав в ладонях чашку. – Я... когда-то давно выкрасила их в рыжий цвет.

– Не слишком удачно, – едко констатировала Оливия. – Я советовала ей пойти к моему парикмахеру, но она меня не послушала. И конечно же...

– Я не о том, – не дал ей договорить Александр и опять пристально посмотрел на Милли. – А ты не училась в Кембридже?

– Нет.

– Зато Изабел училась, – победно изрекла Оливия. – Наверное, вы говорите о ней.

– Кто такая Изабел?

– Моя сестра. – Милли ухватила за эту идею, как за спасительную соломинку. – Она... мы с ней очень похожи.

– Изабел изучала иностранные языки, – сообщила Оливия, – и сделала великолепную карьеру. Летает по всему миру, работает переводчицей на международных конференциях. Знаете, она общалась со всеми мировыми лидерами. По крайней мере...

– Как она выглядит? – осведомился фотограф.

– А вот, смотрите,– миссис Хэвилл указала на фотографию на камине.– Вам обязательно стоит познакомиться,– словно бы невзначай прибавила она, наблюдая, как молодой человек разглядывает фото.– Уверена, у вас найдется много общего!

– Это не она,– решительно сказал Александр, поворачиваясь к Милли.– Она совсем на тебя не похожа.

– Изабел выше Милли.– Оливия на секунду задумалась.– У вас ведь довольно большой рост, не так ли, Александр?

Фотограф пожал плечами и встал.

– Пора идти. У меня назначена встреча в городе.

– Как интересно,– проворковала Оливия.– Свидание?

Александр посмотрел на Оливию, как на ненормальную.

– Договорился встретиться со старым школьным приятелем.

– Желаю приятно провести время,– любезно сказала та.

– Спасибо.– Александр задержался у двери.– Увидимся завтра, Милли. Я сделаю несколько пробных снимков, поболтаем о том, чего бы тебе хотелось.

Кивнув на прощание, он исчез.

– Какой интересный молодой человек! – воскликнула миссис Хэвилл, едва за Александром закрылась дверь.

Милли сидела неподвижно, невидящими глазами уставясь на стол. Сердце бешено колотилось в груди, руки по-прежнему крепко сжимали чашку.

Мать заглянула ей в лицо.

– Солнышко, тебе плохо?

– Все в порядке,– ответила Милли.– Со мной все в порядке.

Она выдавила из себя улыбку и пригубила чай. «Все хорошо,– твердо сказала она себе.– Ничего страшного не случилось. И не случится».

– Я видела образцы его работ,– проговорила Оливия.– Очень, очень талантливый мальчик. И уже успел получить несколько наград!

– Mamочка, прошу тебя,– устало произнесла Милли.

Она взяла с тарелки печенье, посмотрела на него и положила обратно, охваченная внезапным приступом паники. А вдруг он все-таки вспомнит? И расскажет всем, при каких обстоятельствах они виделись десять лет назад? Что, если правда выплывет наружу? От этой мысли кровь застыла в жилах, к горлу подступила тошнота.

– Его непременно нужно познакомить с Изабел,– не унималась Оливия.– Как только она вернется из Парижа.

– Что? – Милли мгновенно насторожилась.– Это еще зачем? – Она посмотрела на мать – та изображала равнодушие.– Mamочка, нет! Ты, наверное, шутишь!

– Я всего лишь подумала,– оправдываясь, сказала Оливия,– бедняжка Изабел день-деньской торчит на своих конференциях. Там же тоска смертная! У девочки совсем нет времени, чтобы встречаться с мужчинами.

– Она не желает встречаться с мужчинами! Во всяком случае, с теми, которых пытаешься подогнать ей ты.– Милли слегка передернуло.– И уж точно не с этим фотографом!

– Чем плох фотограф? – удивилась миссис Хэвилл.

– Ничем,– быстро проговорила Милли.– Просто он... не подходит Изабел.

Перед ее глазами встал образ сестры – такой умной, такой здравомыслящей... Внезапно у Милли будто камень с души свалился. Надо посоветоваться с Изабел. Она всегда знает, что делать.

Милли бросила взгляд на часы.

– Сколько времени сейчас в Париже?

– А что? Ты собираешься позвонить?

– Да,– подтвердила Милли.– Хочу поговорить с Изабел.– Отчаяние вновь захлестнуло ее.– Мне нужно поговорить с ней.

Изабел Хэвилл вернулась в отель в восемь. Индикатор сообщений на телефонном аппарате в номере мигал, как сумасшедший. Изабел нахмурилась, устало провела рукой по лбу и открыла мини-бар. День выдался еще более тяжелым, чем обычно. Кожа совсем пересохла от душной атмосферы конференц-зала, во рту ощущалась горечь кофе и сигаретного дыма. С утра до вечера Изабел слушала и переводила, слушала и переводила. Постоянно сохранять ровную, выдержанную интонацию – вот что отнимало больше всего сил. Сейчас в горле у нее першило, губы не могли произнести ни слова, а в голове до сих пор гудел водоворот фраз жаркой разноязычной дискуссии.

С рюмкой водки в руке Изабел медленно вошла в отделанную белым мрамором ванную, зажгла свет и несколько секунд безмолвно разглядывала в зеркале свои покрасневшие, воспаленные глаза, потом открыла рот, собираясь что-то произнести,– и безвольно его закрыла. У нее не осталось сил, чтобы сосредоточиться, породить хотя бы одну мысль. В течение многих, слишком многих часов ее мозг работал в качестве мощного информационного канала, она и сейчас была способна только на то, чтобы перекачивать слова туда-сюда, не прерывая потока собственными думами, не примешивая к переводу свое личное мнение. Она отработала безукоризненно, ни разу не позволив себе расслабиться или потерять самообладание. А сейчас от нее осталась лишь высохшая, пустая оболочка.

Изабел залпом выпила водку, поставила рюмку на полочку над ванной и поморщилась – стекло звякнуло о стекло. Отражение с тревогой смотрело на нее из зеркала. Весь день ей удавалось не думать об этой минуте, но теперь она наедине с собой, работа закончена, и отговорок больше нет. Трясущейся рукой Изабел порылась в сумочке и вытащила шуршащий пакетик, который ей дали в аптеке; вынула из него продолговатую коробочку. Внутри лежал листок-вкладыш с инструкцией на французском, немецком, испанском и английском языках. Она нетерпеливо пробежала глазами все четыре абзаца, обратив внимание, что в испанском тексте плохая грамматика, а в немецком имеется смысловое несоответствие. Однако все инструкции сходились на короткой продолжительности теста. Всего одна минута. *Une minute. Un minuto.*

Изабел достала полоску теста, едва осознавая, что делает, оставила на краю ванны небольшую чашку и вернулась в спальню. Пиджак от костюма по-прежнему валялся на огромной гостиничной кровати, индикатор сообщений на телефоне все так же бешено мигал. Изабел нажала кнопку, чтобы прослушать сообщения, приблизилась к мини-бару и налила себе еще водки. Тридцать секунд.

«Привет, Изабел, это я.– Низкий мужской голос заполнил комнату, и Изабел вздрогнула.– Позвони мне, если будет время. Пока».

Она посмотрела на часы. Пятнадцать секунд.

«Изабел, это Милли. Послушай, мне очень нужно с тобой поговорить. Прошу тебя, пожалуйста, сразу перезвони. Это очень, очень срочно».

– У тебя всегда все срочно,– вслух произнесла Изабел.

Она снова бросила взгляд на часы, набрала в грудь побольше воздуха и направилась в ванную. Маленькая синяя полоска была видна за несколько шагов. Неожиданно Изабел ощутила дурноту.

– Нет,– прошептала она.– Не может быть.

Она отшатнулась от полоски теста на беременность, как от заразы, и захлопнула дверь ванной. Дрожа, сделала глубокий вдох и механически протянула руку к рюмке с водкой. Затем, внезапно осознав, что делает, остановилась. Ею овладели тоскливое одиночество и растерянность.

«Изабел? – донесся бодрый голос автоответчика.– Это опять Милли. Вечером я буду у Саймона. Может, позвонишь мне туда?»

– Нет! – крикнула Изабел и почувствовала, как глаза предательски щипало.– Не позвоню, поняла?

Она схватила рюмку с водкой, одним глотком осушила ее и со звоном разбила о ночной столик. Внезапно у нее перехватило дыхание, глаза наполнились слезами – Изабел более не могла контролировать свои эмоции. Словно раненое животное, она заползла на кровать и зарылась головой в гостиничную подушку. Когда снова раздался телефонный звонок, Изабел беззвучно зарыдала.

Глава 3

В половине восьмого Милли и Оливия прибыли в Пиннакл-холл. Саймон встретил их у дверей и проводил в большую роскошную гостиную.

– Как мило! – оценила Оливия.

Она прошла по комнате и остановилась у камина, где весело потрескивал огонь.

– Отец еще разговаривает по телефону, – сказал Саймон. – Я пока принесу шампанского.

– Тогда, – едва слышно молвила Милли, – я пойду попробую еще разок набрать Изабел. Позвоню с телефона в бильярдной.

– Что за срочность? – недовольно произнесла миссис Хэвилл. – О чем ты хочешь с ней поговорить?

– Ни о чем, – быстро соврала Милли. – Мне просто... надо. – Она сглотнула. – Я ненадолго.

Оставшись одна, Оливия села в кресло и с восхищением принялась разглядывать портрет над камином – написанный маслом, в тяжелой богатой раме, по виду такой же старый, как и дом. На самом деле картина изображала бабушку Гарри в детстве. Поскольку немалая доля славы Гарри Пиннакла заключалась в том, что он добился успеха самостоятельно, было принято считать, что он начал с нуля. То обстоятельство, что он обучался в привилегированной частной школе, портило легенду, как, впрочем, и факт использования в качестве стартового капитала солидных сумм, полученных от родителей, а потому все, включая самого Гарри, старались не принимать эти мелочи во внимание.

Дверь открылась, и в гостиную вошла симпатичная блондинка в брючном костюме. В руках она держала поднос, на котором стояли бокалы с шампанским.

– Саймон скоро подойдет. Он вспомнил, что должен отправить факс.

– Спасибо, – поблагодарила Оливия, взяла с подноса бокал и царственно улыбнулась, растянув уголки губ.

Блондинка вышла. Миссис Хэвилл пригубила шампанское. Огонь в камине приятно согревал ей лицо, она уютно устроилась в кресле, сквозь спрятанные динамики лилась негромкая классическая музыка. Вот это настоящая жизнь, подумала Оливия и ощутила острый укол зависти и восторга одновременно: для ее дочери такой образ существования совсем скоро станет привычным. Милли уже сейчас чувствует себя в Пиннакл-холле так же непринужденно, как и на Бертрам-стрит, легко общается с прислугой, вместе с Саймоном посещает пышные светские обеды. Разумеется, Милли и Саймон могут уверять, что ничем не отличаются от остальных молодоженов и что деньги принадлежат вовсе не им, но кому они морочат голову? В один прекрасный день они будут богаты. Сказочно богаты. Милли сможет позволить себе все, что пожелает.

Оливия сильнее сжала бокал. После объявления о помолвке она пребывала в состоянии невероятного, почти головокружительного экстаза. Для Милли Хэвилл любые, даже неофициальные отношения с сыном Гарри Пиннакла – само по себе кое-что, а уж бракосочетание, да еще так быстро, – это вообще счастье, о котором никто и мечтать не смел. В то время как вопрос окончательно решился и планы подготовки к свадьбе начали потихоньку приобретать конкретные очертания, Оливия стала гордиться тем, что не выставляет свой триумф напоказ, относится к Саймону, как к любому другому поклоннику дочери, преуменьшает – и перед собой, и перед окружающими – значение этого брака.

Однако сейчас, за несколько дней до торжества, сердце миссис Хэвилл вновь ликующе запело. Еще чуть-чуть, и весь мир увидит свадьбу ее дочери с одним из самых завидных женихов страны. Ее подруги – да и вообще все знакомые – как миленькие будут охать и ахать, когда увидят ее во главе стола на самой шикарной, блестящей и романтической свадьбе века. Оливии казалось, что к подготовке этого события она шла всю свою жизнь. Его важность затмевала

собой даже память о собственной свадьбе. То была скромная, ничем не примечательная церемония, а сюда съедутся толпы богатых, влиятельных людей, и всем им придется занять задние места, тогда как она, Оливия, ну и, конечно, Милли гордо прошествуют на первый план.

Каких-то несколько дней, и она в новом, пошитом на заказ платье будет посылать сияющие улыбки в десятки объективов; наблюдать, как ее знакомые, приятельницы и завистливые родственнички станут таращить глаза, изумляясь роскоши свадебного банкета. Это будет замечательный день, он запомнится всем до конца жизни. Как в красивом кино, в упоении мечтала Оливия. Как в прекрасном, романтическом голливудском фильме.

Джеймс Хэвилл подошел к парадному входу Пиннакл-холла и потянул за сонетку массивного резного колокольчика. Дожидаясь, пока откроют дверь, он огляделся и сдвинул брови. Слишком уж все тут вылизано, слишком идеально. Избитый стандарт богатого дома, скорее похожего на декорации паршивой голливудской киноленты. «Если деньги нужны для этого, – подумал Джеймс, – оставьте их себе».

Заметив, что парадная дверь приоткрыта, он распахнул ее. В огромном камине весело трещал огонь, ярко горели люстры, однако в холле никого не было. Джеймс осторожно осмотрелся, пытаясь отличить похожие друг на друга, обшитые деревом двери. Одна из них ведет в большую гостиную, где по стенам развешаны олени головы, – он помнил это по предыдущим визитам. Но какая? Джеймс застыл в замешательстве, затем, разозлившись на самого себя, шагнул вперед и открыл ближайшую.

Он ошибся. Первым, кого он увидел, был Гарри. Хозяин дома сидел за огромным дубовым столом, напряженно прижимая к уху телефонную трубку. Услышав, как открылась дверь, Гарри поднял седоватую голову, сузил глаза и раздраженно взмахнул рукой, давая Джеймсу знак удалиться.

– Прошу прощения, – спокойно извинился тот и попятился.

– Мистер Хэвилл? – раздался за его спиной негромкий голос. – Простите, что не открыла сразу.

Он обернулся: позади него стояла светловолосая девушка, в которой он узнал одну из помощниц Гарри Пиннакла.

– Прошу вас, пойдите со мной, – сказала блондинка, тактично уводя его из кабинета и притворяя дверь.

Джеймс почувствовал, что к нему относятся свысока.

– Благодарю.

– Все остальные в гостиной. Позвольте, я возьму ваше пальто.

– Спасибо.

– Если вам что-нибудь понадобится, – любезно проговорила блондинка, – обращайтесь ко мне, хорошо?

Иными словами, с обидой подумал Джеймс, не шляйся по дому.

Девушка мило улыбнулась и препроводила его в гостиную.

Сладостные мечтания Оливии внезапно прервал звук открывающейся двери. Она быстро разгладила юбку и с улыбкой подняла глаза, ожидая увидеть Гарри, однако это опять оказалась симпатичная блондинка.

– Миссис Хэвилл, прибыл ваш супруг, – объявила она и шагнула в сторону.

В комнату вошел Джеймс. Судя по усталому виду и мятому темно-серому костюму, он приехал прямо с работы.

– Давно ты здесь?

– Нет, – отозвалась Оливия с напускной бодростью. – Недавно.

Она поднялась с кресла и пошла к мужу, чтобы поцеловать. Блондинка деликатно исчезла, закрыв за собой дверь.

Оливия остановилась на полдороге, внезапно смутившись. В последние несколько лет физические контакты между ней и Джеймсом превратились в нечто, существовавшее лишь на людях. Теперь она ощутила неловкость, оказавшись так близко от него – вне присутствия посторонних, без какой-либо причины. Она взглянула на мужа в надежде, что он выручит ее, но его лицо было непроницаемо. В конце концов Оливия слегка покраснела и коротко чмокнула его в щеку, после чего немедленно отступила назад и глотнула шампанского.

– Где Милли? – бесстрастно осведомился Джеймс.

– Вышла на минутку позвонить.

Джеймс Хэвилл взял с подноса бокал с шампанским и сделал большой глоток, потом уселся на диван, удобно вытянув перед собой ноги. Оливии сверху была видна голова мужа: темные волосы намокли от снега, однако остались аккуратно причесаны. Оливия поймала себя на том, что непроизвольно рассматривает пробор Джеймса, но как только он повернул голову, она быстро отвела взгляд.

– Ну... – начала она и замолчала.

Пригубив шампанское, Оливия неторопливо подошла к окну, отдернула тяжелую парчовую штору и выглянула в заснеженный вечер. Она практически не помнила, когда в последний раз оставалась наедине с мужем, и уж тем более – когда общалась с ним непринужденно. Темы для разговора прокатывались в ее мозгу, словно упаковки полуфабрикатов на конвейере, все одинаково непривлекательные и неудобоваримые. Если она поделится с Джеймсом последними городскими сплетнями, ей сперва придется напомнить ему, кто есть кто в Бате; если расскажет о неудаче с туфлями для невесты, то должна будет объяснить, чем отличается шелк-дюпес от шелка-дюпона. Темы, достойной попыток Оливии завести беседу, не находилось.

Когда-то, давным-давно, их разговор струился легко и плавно, как бесконечная атласная лента. Джеймс с неподдельным вниманием слушал ее истории, а она искренне смеялась его остроумным шуткам. Вместе им было интересно. Теперь же в каждой шутке мужа сквозила горечь, которой она не понимала, а едва только она открывала рот, как Джеймсом овладевала нестерпимая скука.

Супруги сидели молча, пока в гостиной не появилась Милли.

– Привет, папочка, – натянуто улыбнулась она отцу. – Ты молодец, нашел нас.

– Дозвонилась до Изабел? – спросила Оливия.

– Нет, – ответила Милли. – Не знаю, чем она там занята. Я оставила ей еще одно сообщение. – Ее взгляд упал на поднос с шампанским. – А, отлично. Мне не помешает выпить. – Она подняла руку с бокалом и произнесла тост: – За нас!

– За нас, – эхом отозвалась Оливия.

– Твое здоровье, милая, – сказал Джеймс.

Все трое осушили бокалы, на короткое время повисла тишина. Милли посмотрела на мать.

– Я вам не помешала?

– Нет, что ты.

– Хорошо, – рассеянно промолвила Милли и подошла к камину, надеясь, что родители не станут приставать к ней с разговорами.

В третий раз подряд Милли пришлось общаться с автоответчиком Изабел и прослушивать стандартный набор фраз. Ее вдруг охватил гнев, необъяснимая убежденность в том, что сестра на месте и просто не хочет брать трубку. Милли оставила короткое сообщение и еще несколько минут гипнотизировала аппарат, кусая губы в отчаянной надежде, что Изабел ей перезвонит. Старшая сестра была единственным человеком, с которым Милли могла погово-

рять. Только Изабел выслушает ее спокойно, только она не будет читать нотаций, а поможет найти решение.

Телефон, однако, безмолвствовал. Изабел так и не позвонила. Милли крепче стиснула бокал с шампанским. Она больше не могла выносить этот тайный, грызущий страх. Всю дорогу к Пиннакл-холлу девушка молча просидела в машине, пытаясь успокоить себя ободряющими мыслями, будто выстраивая заграждение из мешков с песком. Александр ни за что не вспомнит, твердила она себе. Случайная двухминутная встреча, десять лет назад. Наверняка он про нее забыл. А если и нет, все равно никому ничего не скажет. Будет держать язык за зубами и выполнять свою работу. Воспитанные люди не имеют обыкновения намеренно причинять неприятности другим.

– Милли? – прервал ее размышления Саймон.

Она виновато вскочила.

– Привет. Отправил факс?

– Да.– Саймон пригубил шампанское и взглянул на Милли более пристально.– С тобой все в порядке? Ты нервничаешь.

– Неужели? – Милли изобразила улыбку.

– Нервничаешь-нервничаешь,– настаивал Саймон.– Переживаешь насчет свадьбы, да?

– Да.

– Я так и думал.

В голосе Саймона прозвучало удовлетворение, и Милли не стала спорить. Ему нравилось считать, что он тонко чувствует все ее чувства, знает ее вкусы и пристрастия, умеет угадывать ее настроение. Она, в свою очередь, взяла в привычку соглашаться с ним, даже когда его суждения абсолютно не соответствовали истине. В конце концов, очень мило, что Саймон хотя бы пытается ее понять. Большинство мужчин не стало бы ломать голову по таким пустякам.

К тому же рассчитывать, что он действительно будет понимать ее всякий раз, просто неразумно. Чаще всего Милли и сама не могла в себе разобраться. Эмоции смешивались в ее душе, как краски на палитре художника,– одни задерживались надолго, другие, промелькнув, исчезали без следа, но все они неизменно сливались в единый водоворот. Чувства же Саймона, напротив, были четко разложены по полочкам, отдельно друг от друга, словно кирпичики из детского конструктора. В минуты счастья Саймон улыбался, в минуты гнева – хмурился.

– Дай-ка я угадаю, о чем ты сейчас думаешь,– промурлыкал он ей в волосы.– Тебе хотелось бы, чтобы этот вечер мы провели вдвоем.

– Нет,– честно ответила Милли. Она обернулась и посмотрела Саймону в глаза, вдохнула его терпкий, знакомый запах.– Я думала о том, как сильно тебя люблю.

Часы показывали половину десятого, когда Гарри Пиннакл твердым шагом вошел в гостиную.

– Приношу извинения,– сказал он.– С моей стороны опоздание непростительно.

– Простительно, Гарри, простительно! – воскликнула Оливия, которая к этому времени допивала уже пятый бокал шампанского.– Мы знаем, как нелегко вам приходится!

– А я не знаю,– пробормотал Саймон.

– Также прошу прощения у вас,– обратился Гарри к Джеймсу.– Звонок был действительно важный.

– Пустяки,– холодно ответил тот.

Возникла пауза.

– Что ж, не будем дольше медлить,– возвестил Гарри и, повернувшись к Оливии, галантно вытянул руку.– Прошу вас.

Миновав холл, хозяин и гости прошли в столовую.

– У тебя все в порядке, милая? – обеспокоенно спросил Джеймс у дочери, пока все рассаживались за великолепным обеденным столом красного дерева.

Милли криво улыбнулась.

– Да, пап.

«Неправда», – подумал Джеймс Хэвилл. Он видел, как дочь, словно от отчаяния, бокал за бокалом глушила шампанское; видел, как подскакивала на месте, едва раздавался телефонный звонок. Может, она жалеет о своем решении?..

– Помни, родная, – вполголоса произнес он. – Нельзя идти наперекор себе.

Милли вскинула голову, точно ужаленная.

– Что?

Джеймс ободряюще кивнул.

– Если ты передумала насчет Саймона или передумаешь – сейчас или даже в день свадьбы, – главное, не переживай. Мы можем все отменить. Тебя ведь никто не заставляет.

– Я не хочу ничего отменять! – зашипела Милли. Джеймсу показалось, она вот-вот заплачется. – Я хочу выйти замуж! Я люблю Саймона!

– Превосходно, – успокоил ее отец. – Значит, все решено.

Откинувшись на спинку стула, он бросил взгляд на Саймона, сидящего напротив, и вдруг ощутил непонятное раздражение. У мальчишки есть все: привлекательная внешность, богатое наследство, уравновешенный характер. Саймон совершенно очевидно обожает Милли, учтив с Оливией, внимателен к остальным членам их семьи.

Сетовать не на что. Однако сегодня вечером, признался себе Джеймс, он очень хотел бы кому-нибудь пожаловаться.

День на работе выдался препаршивый. В последние месяцы проектная фирма, в финансовом отделе которой работал Джеймс Хэвилл, претерпевала серьезные организационные изменения. Слухи, ходившие уже давно, сегодня вылились в новость: в его отделе ожидается увольнение четырех младших сотрудников. Несмотря на конфиденциальность, информация, вероятно, перестала быть тайной: когда Джеймс покидал офис, все молодые работники отдела прилежно горбились за столами. Одни сидели, не поднимая головы, другие провожали Джеймса взглядом, в котором сквозил страх. У каждого из них была семья и невыплаченные задолжности. Никто из них не мог позволить себе лишиться работы. Никто из них этого не заслуживал.

К вечеру, когда Джеймс добрался до Пиннакл-холла, на душе у него скребли кошки. Паркуя машину, он решил на этот раз без утайки поведать жене правду, когда она спросит, как прошел день. Может быть, не выкладывать все до конца, но сказать достаточно, чтобы она прониклась ситуацией, чтобы представила, какой груз ему приходится нести на плечах. Однако Оливия не спросила, а смутное чувство гордости помешало ему поделиться проблемой по собственной инициативе, показать свою уязвимость. Джеймс не хотел, чтобы Оливия проявила к нему то же внимание, что и к одной из благотворительных программ: брошенные пони, умственно отсталые дети, несчастный муж...

Пора бы уже привыкнуть к Оливии, продолжал раздумывать Джеймс. Пора привыкнуть к тому, что он не слишком-то ей нужен, что ее жизнь полна другими интересами и что она уделяет гораздо больше внимания проблемам своих подруг-сплетниц, чем когда-либо уделяла мужу. В конце концов, вместе им удалось создать прочную, стабильную жизнь. Пускай их нельзя было назвать родственными душами, но, по крайней мере, между ними существовал некий симбиоз. У нее была своя жизнь, у него своя, а там, где они пересекались, никогда не возникало расхождений. С этим негласным уговором Джеймс смирился уже давно и считал, что большего ему не потребуется. Однако оказалось, что это не так. Оказалось, что ему нужно что-то еще, что-то иное. Он хотел другой жизни, причем немедленно, пока время не упущено окончательно.

– Предлагаю тост!

Слегка нахмурившись, Джеймс поднял глаза. Поглядите, какая важная птица – Гарри Пиннакл, один из самых успешных дельцов страны и будущий свекор его дочери. Джеймс сознавал, что в кругу знакомых этот союз был предметом зависти и что он должен радоваться обеспеченному будущему дочери. И все-таки он не испытывал удовольствия оттого, что Милли вольется в клан Пиннаклов; в отличие от жены, не мог наслаждаться алчным любопытством друзей. Он слышал, как в телефонном разговоре Оливия небрежно упомянула Гарри, намекая на тесные родственные отношения с великим магнатом, которых на самом деле между ней и Пиннаклом не существовало. Оливия пользовалась ситуацией на всю катушку, и ее поведение заставляло Джеймса краснеть от стыда. Бывали дни, когда он мечтал, чтобы Милли вообще не встречала сына Гарри Пиннакла.

– За Милли и Саймона,– провозгласил Гарри низким сипловатым голосом, благодаря которому его высказывания звучали более веско по сравнению с речью собеседников.

– За Милли и Саймона,– повторил Джеймс Хэвилл и поднял тяжелый бокал венецианского стекла.

– Вино просто прекрасное,– восхитилась Оливия.– Кроме всего прочего, вы еще и знаток вин, да, Гарри?

– Господи, нет, конечно,– замахал руками тот.– Я полагаюсь на советы людей, которые в этом разбираются. По мне, так все вино на вкус одинаково.

– Ни за что не поверю! Вы чересчур скромничаете! – взвизгнула Оливия.

Она перегнулась через весь стол и фамильярно похлопала Гарри по руке. Что она о себе возомнила? Как противно... Повернув голову, Джеймс поймал на себе взгляд Саймона.

– Выпьем,– предложил будущий зять.– За предстоящую свадьбу.

– Да,– согласился Джеймс и одним глотком опорожнил бокал почти наполовину.– За свадьбу.

Глядя, как гости пьют отцовское вино, Саймон вдруг ощутил ком в горле. Он кашлянул, взял свой бокал и произнес:

– Сегодня за этим столом не хватает одного человека. Я хотел бы предложить тост за мою мать.

Возникло легкое замешательство. Саймон видел, как взгляды всех присутствующих метнулись в сторону главы дома. Гарри поднял бокал.

– За Анну,– серьезно сказал он.

– За Анну,– хором повторили Джеймс и Милли.

– Разве ее звали Анна? – удивилась Оливия, щеки которой уже изрядно покраснелись.– Я была уверена, что ее имя – Луиза.

– Нет,– с нажимом сказал Саймон.– Мою мать звали Анной.

– Ну что ж, как вам будет угодно,– охотно согласилась миссис Хэвилл и тоже подняла бокал.– За Анну. Анну Пиннакл.– Оливия сделала глоток, потом посмотрела на дочь, как будто пораженная внезапной мыслью.– Дорогая, я надеюсь, ты не собираешься оставлять девичью фамилию?

– Думаю, нет,– Милли пожала плечами.– Хотя на работе я предпочла бы оставаться Хэвилл.

– Нет-нет, что ты! – забеспокоилась Оливия – Будет только путаница. Пиннакл так уж Пиннакл, везде и всюду.

– По-моему, это неплохая идея,– вставил Джеймс.– Сохраняй независимость, Милли. А ты как считаешь, Саймон? Не возражаешь, если твоя жена оставит девичью фамилию?

– Если честно, я бы предпочел общую фамилию. У нас ведь все будет общим.– Саймон посмотрел на Милли и улыбнулся.– С другой стороны, мне жаль потерять Милли Хэвилл. В конце концов, влюбился-то я именно в мисс Хэвилл.

– Очень трогательно,– высказался Джеймс.

– А ты не думал взять фамилию Хэвилл? – со своего конца стола обратился Пиннакл-старший к сыну.

– Я не против.– Саймон в упор посмотрел на отца.– Если так захочет Милли.

– Нет! – взвизгнула Оливия.– Ты не захочешь, милая, правда?

– Ты бы не стал брать мамину фамилию, а, пап? – Саймон прищурился.

– Нет,– покачал головой Гарри.– Не стал бы.

– Что ж, разница заключается в том,– металлическим голосом произнес Саймон,– что для меня семейная жизнь важнее всего.

– Разница заключается в том,– бесстрастно промолвил Гарри,– что девичья фамилия твоей матери была Парри.

Оливия хохотнула, и Саймон пронзил ее испепеляющим взглядом.

– Фамилии тут ни при чем,– он повысил голос. – Счастье в браке зависит от людей, а не от фамилий.

– Как я посмотрю, ты хорошо разбираешься в вопросах семьи и брака,– съязвил Гарри.

– Лучше, чем ты! По крайней мере, я еще не успел испортить свою семейную жизнь!

Воцарилось молчание. Хэвиллы уткнулись в свои тарелки. Тяжело дыша, Саймон сверлил взглядом отца.

Наконец Гарри развел руками.

– Уверен, вы с Милли будете очень счастливы. Хотя не всем так везет.

– Дело не в везении,– резко возразил Саймон.– Везение здесь абсолютно ни при чем! – Он взглянул на родителей невесты.– Что, по-вашему, лежит в основе счастливого брака?

– Деньги,– выпалила Оливия и коротко рассмеялась.– Шучу.

– Общение, не так ли? – Саймон подался вперед и продолжил: – Когда супруги делятся друг с другом проблемами, вместе обсуждают вопросы, до тонкостей знают характер друг друга. Вы согласны со мной, Джеймс?

– Поверю тебе на слово,– мрачно сказал тот и отхлебнул вина.

– Ты совершенно прав, Саймон,– защелкала Оливия.– Я имела в виду как раз общение.

– А я считаю, секс важнее общения,– выразил свое мнение Гарри.– Много хорошего секса.

– Здесь я тоже не знаток,– процедил Хэвилл.

– Джеймс! – воскликнула Оливия и заливисто рассмеялась.

Саймон с любопытством покосился на будущего тестя и перевел взгляд на Милли. Она, казалось, вообще не слушала, о чем идет речь.

– А вы, Гарри?

Оливия томно глядела на Пиннакла-старшего сквозь полуопущенные ресницы.

– Что я?

– Не испытываете искушения жениться?

– Я слишком стар,– сухо отрезал он.

– Ерунда! – развеселилась Оливия.– Вы без труда могли бы подыскать себе прелестную женушку.

– Возможно.

– Правда-правда! – Оливия глотнула вина.– Я бы и сама не прочь составить вам партию! – выдавала она и снова издавала короткий смешок.

– Очень мило с вашей стороны,– кивнул Гарри.

– Ну что вы,– Оливия взмахнула бокалом.– Я в самом деле с удовольствием вышла бы за вас.

Подали десерт.

– Ох! – Миссис Хэвилл переводила взгляд с лимонного мусса на шоколадный торт и обратно.– Боже мой, прямо не знаю, что выбрать.

– Возьмите и то и другое,– посоветовал Гарри.

– Правда? Это не будет неприлично? А кто-нибудь еще попробует оба десерта?

– Я воздержусь,– сказала Милли, нервно комкая в руках салфетку.

– Ты, случайно, не на диете? – спросил Гарри.

– Нет. Просто уже сыта.

Милли вымучила улыбку, и Гарри любезно кивнул ей в ответ. «В общем-то он добрый человек,– подумала Милли,– даже если Саймон этого не замечает».

– Ты ведешь себя точно как Изабел! – укорила Оливия дочь.– Та тоже ест, как птичка.

– Ей некогда есть,– констатировал Джеймс.

– Как у нее дела? – вежливо поинтересовался Гарри.

– Великолепно! – неожиданно воодушевился Джеймс.– Делает карьеру, путешествует по миру.

– С кем-нибудь встречается?

– О нет! – Джеймс расхохотался.– Сейчас Изабел слишком занята важными делами. В ней всегда жил дух независимости, так что она не станет завязывать серьезные отношения в спешке.

– А может, завтра она найдет своего мужчину,– запротестовала Оливия.– Например, приличного бизнесмена.

– Боже упаси,– испугался Хэвилл.– Ты можешь представить Изабел рядом с каким-то занудой-бизнесменом? И вообще, она еще слишком молода.

– Она старше меня,– напомнила Милли.

– Старше,– согласился ее отец,– но вы очень отличаетесь.

– Чем? – Милли вперила взгляд в отца. Напряжение, накопившееся за день, толчками пульсировало в висках; она чувствовала, что вот-вот сорвется.– Чем мы отличаемся? Ты намекаешь, что я тупица и ума у меня хватает только на то, чтобы выскочить замуж?

– Нет! – Слова дочери шокировали Джеймса.– Конечно нет! Я просто хотел сказать, что Изабел чуть более авантюрна по характеру, чем ты. Ей нравится рисковать.

– Мне тоже приходилось рисковать! – крикнула Милли.– Вы даже не знаете, чем я рисковала!

Тяжело дыша, она резко оборвала фразу.

– Милли, не расстраивайся, пожалуйста,– попытался успокоить ее отец.– Я всего лишь сказал, что вы с Изабел не похожи.

– Лично я предпочитаю тебя,– шепнул Саймон на ухо Милли.

В ответ она благодарно улыбнулась.

– Кстати, Джеймс, чем тебе не нравятся бизнесмены? – спросила Оливия.– Ты тоже бизнесмен, а я ведь вышла за тебя.

– Знаю, любовь моя,– бесцветно проговорил Джеймс.– Но я надеюсь, Изабел встретит более достойного спутника жизни.

После того как унесли десерт, Гарри кашлянул, привлекая внимание собравшихся.

– Не скажу, что приготовил нечто необыкновенное, но у меня есть маленький презент для счастливых молодоженов.

Саймон насторожился. Он сам купил подарок для Милли и планировал преподнести его в присутствии всех, когда подадут кофе. Однако подарок Гарри в любом случае окажется рос-

кошнее пары сережек, которые выбрал для невесты он. Саймон украдкой нащупал небольшой кожаный футляр, надежно спрятанный в кармане, и засомневался – не лучше ли подарить Милли серьги в другой день, не соперничая с отцом? Затем в душе Саймона поднялось сдержанное негодование. Какого черта он должен стыдиться? Да, пускай Гарри Пиннакл может позволить себе потратить больше, чем его сын, – так чего ж вы хотите?

– Я тоже приготовил подарок. – Саймон постарался, чтобы его слова прозвучали ровно. – Для Милли.

– Для меня? – Милли смутилась. – Но мне нечего тебе подарить... По крайней мере, сегодня.

– Это кое-что особенное, – улыбнулся Саймон.

Он наклонился и нежно убрал светлые волосы Милли ей за плечи, обнажив аккуратные розовые уши. Жест оказался неожиданно эротичным, и, любуясь безупречной кожей Милли, вдыхая сладкий аромат кожи молодой девушки, Саймон вдруг ощутил волну горячего желания, смешанного с гордостью. К черту их всех, подумал он: Оливию с ее идиотским самодовольством, Гарри с его деньгами... Божественное тело Милли принадлежит ему одному, а все остальное не имеет значения.

Милли была заинтригована.

– И что же это?

– Сначала отец, – великодушно разрешил Саймон. – Что ты для нас приготовил, папа?

Гарри сунул руку в карман, и на какой-то миг Саймона пронзила безумная мысль, что сейчас Гарри достанет пару точно таких же сережек. Вместо этого Пиннакл-старший положил на стол ключ.

– Ключ? От чего? – спросила Милли.

– От машины? – скептически предположила Оливия.

– Нет. От квартиры.

Все хором ахнули. Оливия раскрыла рот, собираясь что-то сказать, и снова захлопнула его.

– Ты шутишь? – Саймон не верил своим глазам. – Ты правда купил нам квартиру?

– Она полностью в вашем распоряжении.

Саймон уставился на отца, чувствуя, что его переполняют совсем не те чувства, которые ему полагалось бы сейчас испытывать. Он попытался обнаружить среди них признательность, но явственно ощутил только шок и разгорающийся гнев – острый, жгучий. Милли не сводила с будущего тестя сияющих глаз. Немое отчаяние захлестнуло Саймона.

– Откуда... – начал он, стараясь изобразить должную благодарность, однако голос его прозвучал брюзгливо. – Откуда ты знаешь, что твой выбор нам понравится?

– Это та квартира, которую ты хотел снять.

– На Мальборо-Мэншнс?

– Та, которую ты хотел снять. На которую не хватило денег.

– Квартира на Парэм-Плейс? Вы купили ее для нас? – ошеломленно прошептала Милли. Саймону захотелось ударить отца. К дьяволу Гарри Пиннакла вместе с его заботливостью!

– Это очень любезно с вашей стороны, – промолвил Джеймс. – Невероятно щедрый подарок.

– У молодоженов будет одной проблемой меньше, – пожал плечами Гарри.

– Дорогая, это чудесно! – Оливия схватила Милли за руку. – И совсем близко от нас!

– Да уж, большой плюс, – вырвалось у Саймона.

Джеймс бросил на него быстрый взгляд и тактично кашлянул.

– Теперь давайте посмотрим, что припас для Милли Саймон, – предложил он.

– Да.

Милли обернулась к жениху и ласково коснулась его руки.

Саймон молча достал из кармана и отдал ей маленькую коробочку. Милли раскрыла ее, и все увидели содержимое: пара сережек-гвоздиков с крошечными сверкающими капельками бриллиантов.

– Саймон, – выдохнула Милли, и в глазах у нее заблестели слезы. – Они такие красивые!

– Симпатичные, – сухо оценила Оливия. – Подумать только – Парэм-Плейс!

– Надену их прямо сейчас, – решила Милли и приступила к делу.

– Это необязательно, – проговорил Саймон, пытаясь унять бушевавшую в груди обиду.

Они же просто смеются над ним – все, даже Милли! – Так себе, обыкновенные.

– Неправда, серьги действительно очень красивые, – серьезно сказал Гарри.

– Да неужели! – не помня себя, крикнул Саймон. – Особенно по сравнению с гребаной квартирой!

– Саймон... – Гарри был невозмутим. – Никто не проводит сравнений.

– Прелестные серьги, – поддержала его Милли. – Вот, смотри.

Она откинула волосы, и капельки бриллиантов заиграли в отблесках свечей.

– Замечательно, – буркнул Саймон, глядя в пол.

Он понимал, что только ухудшает ситуацию, но ничего не мог с собой поделать. Он чувствовал себя униженным школьником.

Поймав взгляд Хэвилла, Пиннакл-старший встал из-за стола.

– Давайте пить кофе, – сказал он. – Ники, наверное, уже принесла чашки в гостиную.

– Да-да, – подхватил Джеймс, поняв намек. – Пойдем, Оливия.

Родители покинули столовую, оставив Саймона и Милли наедине, в молчании. Через некоторое время Саймон поднял голову. Милли неотрывно смотрела на него. Просто смотрела – в ее зоре не было ни насмешки, ни жалости. Ему стало стыдно.

– Прости, – пробормотал он. – Я настоящий идиот.

– Я еще не поблагодарила тебя за подарок, – улыбнулась Милли.

Она подалась вперед и поцеловала его мягкими, теплыми губами. Саймон закрыл глаза и взял в свои ладони ее лицо. По его телу разлилась волна тепла. Постепенно мысли об отце отступили, боль начала утихать. Милли принадлежит ему, остальное не имеет значения.

– Давай сбежим, – вдруг сказал он. – К черту свадьбу. Просто пойдем и потихоньку распишемся в регистрационном бюро.

– Ты правда этого хочешь? – отстранившись, спросила Милли.

Саймон недоуменно уставился на нее. В общем-то он пошутил, но Милли, похоже, восприняла его слова совершенно серьезно.

– Значит, решено? – В голосе Милли проскользнуло напряжение. – Завтра?

– Ну... – Саймон немного растерялся. – Конечно, мы можем поступить, как хотим. Только на нас все рассердятся. Твоя мать никогда меня не простит.

Милли закусила губу.

– Ты прав. Глупая идея. – Она отодвинула стул и встала. – Пойдем. Ты намерен поблагодарить отца? Знаешь, он очень добрый человек.

– погоди. – Саймон поймал Милли за руку и крепко ее стиснул. – Ты на самом деле сбежала бы со мной?

– Да, – просто ответила Милли.

– Я думал, ты с нетерпением ждешь свадьбы. Платье, банкет, подруги...

– Жду. Но...

Милли отвернулась и слегка дернула плечами.

– Но готова все бросить и убежать со мной. – Голос Саймона задрожал от волнения. – Все бросить и убежать со мной. – Он пристально посмотрел Милли в глаза и подумал, что ни в ком еще не встречал такой любви, такой щедрости духа. – Ни одна девушка, кроме тебя, на такое

не способна,— хрипло проговорил он.— Боже, как я тебя люблю. Не знаю, чем я заслужил такое счастье. Иди ко мне.

Саймон притянул Милли к себе на колени и начал осыпать поцелуями ее шею, одновременно нащупывая застежку бюстгальтера и настойчиво расстегивая замок юбки.

— Саймон...

— Мы закроем дверь,— шепнул он.— Подопрем ее стулом.

— Но твой отец...

— Мы сидели и ждали его,— пробормотал Саймон, вдыхая теплый аромат духов Милли.— Теперь пускай он нас подождет.

Глава 4

На следующее утро Милли проснулась освеженной. Организм переварил и жирную пищу, и вино, и вчерашние разговоры; она чувствовала себя бодрой и полной сил.

В кухне, куда она спустилась позавтракать, Милли встретила супружескую пару из Йоркшира, мистера и миссис Эйбл. Постояльцы домашней гостиницы пили кофе. Завидев девушку, супруги любезно ей кивнули.

– Доброе утро! – поздоровалась с дочерью миссис Хэвилл, оторвавшись от телефона. – Посылка для тебя, – она указала на пол, где стояла большая картонная Коробка. – А еще тебе прислали бутылку шампанского. Я убрала ее в холодильник.

– Шампанское! – радостно воскликнула Милли. – А это что?

Она налила себе кофе, уселась на пол и принялась вскрывать коробку.

– Выглядит интригующе, – одобрительно заметила миссис Эйбл.

Да, Александр сказал, что готов встретиться с тобой в половине одиннадцатого, – вспомнила Оливия. – Сделать несколько снимков и немного поболтать.

– А-а. – Милли внезапно ощутила дурноту. – Отлично.

– Тебе бы не мешало чуть-чуть подкраситься – сказала Оливия, критическим взглядом окинув дочь. – Солнышко, что-то не так?

– Нет-нет, все нормально.

– Да, Андреа. – Оливия вновь поднесла к уху телефонную трубку. – Я получила твое сообщение. Честно говоря, оно меня встревожило.

Трясущимися руками Милли принялась вскрывать целлофановую упаковку, чувствуя, как внутри у нее всплывают и лопаются пузырьки паники. Она не хочет видеть этого фотографа. Ей, как ребенку, хочется убежать прочь и стереть его из памяти.

– Ну, в таком случае Дереку придется купить визитку⁶, – резко проговорила Оливия в трубку. – Андреа, это торжественный прием, а не какая-нибудь захудалая свадьба в церковном приходе. Нет, элегантная пиджачная пара не подойдет. – Обернувшись к дочери, миссис Хэвилл мученически закатила глаза. – Что там? – одними губами произнесла она, показывая на коробку.

Милли вытащила два дорожных несессера фирмы «Луи Вуитон» и молча уставилась на них.

Очередной дорогостоящий презент. Она попыталась улыбнуться, изобразить радость, но все забивал растущий, пульсирующий страх. Милли не хотела опять чувствовать на себе этот пытливый взгляд; она мечтала спрятаться до тех пор, пока их с Саймоном официально не объявят мужем и женой.

– О-о! – восхитилась Оливия.

– Никогда не видела ничего подобного, – высказалась миссис Эйбл. – Джеффри, только посмотри, какой великолепный свадебный подарок. Кто же это прислал, милочка?

Милли взглянула на карточку.

– Я о таких не слыхала.

– Наверное, друзья Гарри, – заключила Оливия и положила трубку.

– Вот уж свадьба так свадьба! – Миссис Эйбл изумленно покачала головой. – Будет что порассказать, когда вернемся домой.

⁶ Визитка – род мужской одежды для официальных мероприятий в виде короткого однобортного сюртука с закругленными, расходящимися спереди лапами.

– Я ведь уже говорила вам, – самодовольно произнесла Оливия, подходя к плите. – Органиста мы специально выписали из Женевы. Безусловно, он лучший. А когда Милли войдет в церковь, трое трубачей протрубят в фанфары.

– Надо же, фанфары! – всплеснула руками миссис Эйбл и повернулась к Милли. – Ну точь-в-точь как принцесса!

– Дорогая, хочешь яичницу? – спросила миссис Хэвилл.

– Нет, спасибо, – отозвалась Милли. – Достаточно кофе.

– Еще не отошла от вчерашнего вечера, – беззаботно прошептала Оливия, разбивая в сковороду яйца. – Ужин был замечательный, правда, Милли? – Она послала улыбку миссис Эйбл. – Надо признать, Гарри – прекрасный хозяин.

– Я слыхала, его деловые ужины – нечто сверхизысканное, – поделилась миссис Эйбл.

– Несомненно. Но, разумеется, когда приглашены только мы, все иначе. – Оливия мечтательно улыбнулась, согретая приятными воспоминаниями. – Никаких чопорных церемоний, мы просто наслаждаемся обществом друг друга: едим, пьем вино, беседуем... – Она покосилась на чету Эйбл – внимательно ли они ее слушают. – Если уж на то пошло, Гарри – один из самых близких наших друзей, а совсем скоро мы породнимся.

– Подумать только! – воскликнул мистер Эйбл. – Гарри Пиннакл – ваш родственник. А вы – всего лишь хозяйка домашней гостиницы.

– Домашней гостиницы высшего класса! – негодуя выпалила Оливия. – Большая разница, знаете ли.

– Джефф! – сердито зашипела на мужа миссис Эйбл. – Должно быть, вы часто обедаете вместе.

– Ну-у... – протянула миссис Хэвилл, смягчаясь, и неопределенно взмахнула в воздухе вилкой с куском яичницы.

«Дважды, – подумала Милли. – Ты была у Пиннаклов дважды».

– По-всякому бывает. – Оливия любезно улыбнулась миссис Эйбл. – Какого-то определенного расписания у нас нет. Порой Гарри на несколько недель уезжает из страны, а когда возвращается, предпочитает отдохнуть в компании друзей.

– Вы бывали в его лондонском доме? – поинтересовалась миссис Эйбл.

– Нет, – с сожалением призналась Оливия. – Зато Милли была. И там, и на вилле во Франции. Да, дорогая?

– Да, – сухо ответила Милли.

– Недурной взлет для девушки, – заметил мистер Эйбл. – Раз-два – и в кругу избранных.

– Милли и сама не из бедной семьи, – немедленно вспыхнула Оливия. – Ты ведь привыкла общаться с самыми разными людьми, правда, солнышко? В школьные годы, – прибавила она, с довольным видом глядя на миссис Эйбл, – вместе с Милли училась настоящая арабская принцесса. Не помнишь, как ее звали?

– Мне пора.

Терпение у Милли лопнуло. Она встала из-за стола, так и не притронувшись к кофе.

– Правильно, – одобрила мать. – Иди и займись макияжем. На встрече с Александром ты должна выглядеть на все сто.

– Да, – едва слышно ответила Милли. У двери она задержалась. – Изабел не звонила мне с утра?

– Нет, – покачала головой Оливия. – Наверное, перезвонит позже.

В десять сорок Александр появился на пороге гостиной.

– Привет, Милли. Извини, что опоздал.

Нервы Милли сжались в тугий комок, как будто ей предстоял экзамен или посещение дантиста.

– Ничего страшного, – сказала она и отложила в сторону журнал, который якобы читала.

– Отлично,– пропела Оливия, входя вслед за молодым человеком.– Как будет лучше, Александр, у окна или за пианино?

– Пожалуй, так, как есть,– высказал мнение фотограф, с прищуром глядя на девушку, сидевшую на диване.– Но сначала мне нужно поставить свет.

– Кто-нибудь желает кофе? – спросила Оливия.

– Я приготовлю.– Милли вскочила и, не оглядываясь, вылетела из комнаты.

По пути в кухню она мельком посмотрелась в зеркало: сухая кожа, затравленный взгляд – да уж, счастливая невеста... Вонзив ногти в ладони, Милли заставила себя широко улыбнуться своему отражению. Все будет хорошо. Если ей удастся держать себя в руках, все будет хорошо.

К тому времени, когда Милли вернулась, гостиная превратилась в профессиональную фотостудию. На полу лежала белая простыня, стойки с белыми зонтиками и лампами окружали диван, на котором восседала Оливия. Миссис Хэвилл смущенно улыбалась в объектив.

– Устроилась твоим дублером, дорогая,– живо сообщила она дочери.

– Волнуешься? – обратился Александр к Милли.

– Ничуть,– равнодушно ответила она.

– Дай-ка мне взглянуть на твои ногти, солнышко,– потребовала миссис Хэвилл, встав с дивана.– Если на фото будет видно твое обручальное кольцо...

– С ногтями все в порядке,– огрызнулась Милли, не дав матери взять ее за руку.

Она села на диван и посмотрела на Александра со всей невозмутимостью, какую только смогла изобразить.

– Неплохо,– кивнул фотограф.– Теперь расслабься. Разожми руки.– Он окинул ее критическим взглядом.– Нельзя ли убрать волосы с лица?

– Вспомнила! – воскликнула Оливия.– Фотографии, о которых я вам говорила. Пойду принесу их.

– Угу,– рассеянно произнес Александр.– Так, Милли, откинься назад и улыбайся.

Милли поймала себя на том, что бессознательно выполняет все указания. Растянув губы в улыбке, она почувствовала, что напряжение немного отпустило ее, и с наслаждением погрузилась в диванные подушки. Александр, казалось, был полностью поглощен установкой фотоаппарата. Все намеки на то, что они раньше встречались, были забыты. Нет повода для переживаний, с облегчением вздохнула Милли. Все будет хорошо.

Она взглянула на свое кольцо, сверкавшее на пальце, и передвинула ноги, сменив позу на более изящную.

– Вот! – Запыхавшаяся Оливия протянула Александру альбом.– Фотографии Изабел как раз перед окончанием университета. Мы считаем эти снимки великолепными, но хотелось бы услышать мнение профессионала. Что скажете?

– Неплохо,– буркнул Александр, мимоходом заглянув в альбом.

– В самом деле? – расцвела миссис Хэвилл и перелистнула страницу назад.– Это снова Изабел. И вот еще.– Она продолжала листать страницы назад.– А это Милли, примерно в то же время – лет десять назад, наверное. Вы только посмотрите на ее прическу!

– Неплохо,– механически повторил Александр. Он уже собрался отвернуться, но тут его взгляд упал на фотографию Милли.– Погодите-ка.

Молодой человек взял альбом у Оливии, несколько мгновений таращился на фото, затем ошеломленно перевел взгляд на Милли.

– Представляете, обрезала волосы и осветлилась, а нам ни словечка! – весело щебетала миссис Хэвилл.– Милли тогда была такой своевольной девчонкой! А сейчас и не скажешь, да?

– Угу. Ни за что бы не поверил.– Александр, словно загипнотизированный, не отрывал глаз от фотографии.– Невеста...– вполголоса проговорил он как будто сам себе.

Милли похолодела, к горлу подкатил тошнотворный страх. Он вспомнил, вспомнил ее... Впрочем, если он будет держать рот на замке, все еще может уладиться. Если только он будет молчать.

– Да уж,– протянул Александр, наконец оторвавшись от альбома.– Разница впечатляющая,– добавил он, слегка улынувшись Милли.

Та лишь в ужасе смотрела на него. Внутри у нее все переворачивалось.

– Все из-за волос,– не унималась Оливия.– Как только сменишь прическу, тут же полностью преображаешься. Вот когда я носила пышный пучок с начесом...

– Мне кажется, дело не только в прическе,– промолвил фотограф.– Как ты думаешь, Милли? Только в цвете волос? Или в чем-то еще?

Он поймал ее взгляд, и Милли уставилась на него, как кролик на удава.

– Н-не знаю,– наконец выдавила она.

– Интересно, правда? – прищурился Александр и кивнул на альбом.– Десять лет назад ты одна, сейчас – совершенно другая.– Он принялся заряжать пленку.– А я тут как тут.

– Вот, взгляните, какая замечательная фотография.– Оливия сунула альбом под нос Александру.– Это Изабел в школьной пьесе.

– Кстати, Милли,– небрежно произнес он, не обращая внимания на Оливию,– забыл спросить, ты в первый разходишь замуж?

Ну разумеется, в первый! – со смехом ответила за дочь миссис Хэвилл.– Неужели, глядя на нее, можно предположить, что это уже второй брак? Милли еще не так стара!

– Трудно угадать,– сказал Александр, продолжая настраивать аппарат.– Особенно в наши дни.

Внезапно сверкнула молния вспышки. Милли вздрогнула, точно ужаленная. Фотограф выглянул из-за объектива.

– Расслабься.– На его лице промелькнула усмешка.– Если получится.

Оливия в умилении сжала руки перед собой.

– Солнышко, ты выглядишь прелестно!

– В последнее время я часто фотографирую на свадьбах, когда люди женятся во второй раз. Поэтому и спросил.– Александр замолчал и посмотрел на Милли в объектив.– Но это не ваш случай.

– Нет,– одними губами ответила Милли,– не наш.

– Занятно,– пробормотал фотограф.

Милли с опаской покосилась на мать, однако на лице у Оливии застыло выражение вежливого безразличия, появлявшееся всякий раз, когда постояльцы ее домашней гостиницы обсуждали компьютерные программы или динамику курса иены. Поймав взгляд дочери, миссис Хэвилл понимающе кивнула и сделала вид, что смотрит в другую сторону.

– Ну, я пойду,– шепнула она.

– Хорошо,– сказал Александр.– Теперь поверни голову влево. Замечательно.

Короткая вспышка вновь осветила гостиную. Дверь за Оливией тихонько закрылась.

– Итак, Милли,– произнес фотограф,– признавайся, куда ты девала первого мужа?

Перед глазами у Милли поплыло, каждый мускул тела напрягся. Она не моргая смотрела в объектив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.